

18
Минютинъ

ЗАПИСКИ

КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА XI.

Выпускъ первый.

(съ приложеніемъ карты).

ТИФЛИСЬ.

1880.

Printed in Russia

Туркмены между старымъ русломъ Аму-Дарьи (Узбоемъ) и сѣверными окраинами Персіи.

I.

Введеніе.—Распределеніе туркменскаго населенія въ Закаспійскомъ краѣ.—Туркмены на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи и на границахъ Хиринскаго оазиса.—Туркмены, живущіе по восточному берегу Каспійскаго моря.—Юмуды отдѣленія кара-чука.—Гокланы.—Характеристика страны, расположенной между Копепеть-дагомъ и сѣвѣрною вѣтвью Эльбурскаго хребта.

Послѣднія приобрѣтенія наши на Востокѣ, дошедши до Аму-Дарьи и Красноводска, приблизили насъ къ такимъ мѣстамъ, о которыхъ до этого времени не имѣлось почти никакихъ опредѣленныхъ понятій. Знали, что на югъ отъ Аму-Дарьи лежитъ пустыня, на которой хозяйничаютъ туркмены разныхъ племенъ, но объ этихъ племенахъ и ихъ группировкѣ достовѣрныхъ свѣдѣній не существовало. Только объ юго-восточномъ побережьи Каспійскаго моря имѣлись достаточно подробныя данныя въ сочиненіи барона Боде „Очерки Туркменской земли и юго-восточнаго побережья Каспійскаго моря“ *).

Баронъ Боде путешествовалъ по описаннымъ имъ землямъ два раза, въ 1837 г. и 1848 г., когда никто и не

*) Отечественныя Записки 1856 года, за июль, августъ и сентябрь.

предвидѣлъ, что мы станемъ на правомъ берегу р. Атрека. Туркмены отъ насъ были далеки, но теперь мы пришли уже въ непосредственныя съ ними сношенія: одни изъ нихъ сдѣлались русско-подданными, а остальные, не сегодня-завтра, также, вѣроятно, сдѣлаются ими, и потому теперь вполне умѣстно познакомиться съ этимъ народомъ и съ распределеніемъ его по обширной пустынѣ, лежащей на югъ отъ Аму-Дарьи.

Замѣтимъ сперва, что все пространство между р. Аму-Дарьей, старымъ русломъ этой рѣки, Каспійскимъ моремъ и горными отраслями хребтовъ Эльбурскаго и Копепеть-дага, лежащихъ на сѣверныхъ предѣлахъ Персіи, представляетъ низменность, понижающуюся слегка на З., къ Каспійскому морю. Средина этого пространства совершенно необитаема осѣдлымъ населеніемъ, вслѣдствіе полного безводія; необитаема и вся сѣверная его окраина, обозначенная старымъ русломъ р. Аму-Дарьи. Тутъ иногда проходятъ караваны и пробѣгаютъ разбойничьи шайбы туркменъ разныхъ племенъ, да у колодцевъ, попадающихся весьма рѣдко, иногда, по веснѣ, пасутся стада верблюдовъ и овецъ, принадлежащихъ тѣмъ-же туркменамъ. Но по берегу Каспійскаго моря, по сѣвернымъ покатостямъ хребта Копепеть-дага, по рѣкѣ Муртъ-абѣ, теряющейся въ степи на одной параллели съ хребтомъ Копепеть-дагомъ и по лѣвому берегу р. Аму-Дарьи отъ авганской границы, у города Ходжа-Сала, до города Чарджуя и по южнымъ границамъ Хивинскаго ханства сгруппировалось населеніе туркменъ всѣхъ почти племенъ, причисляемыхъ къ этому народу.

На границахъ хивинскаго оазиса расположились іомуды отдѣленія байрамъ-шалы, которыхъ насчитывается отъ 15 до 20 тыс. вибитовъ. Тутъ-же, сѣвернѣе іомудовъ, между этими послѣдними и поселеніями узбекскими Хивинскаго ханства, живутъ туркмены чоудоры. Въ Хивинскомъ-же

ханствѣ встрѣчается и часть турменъ говлановъ, главная масса которыхъ кочуетъ на сѣв. Персіи, между рѣками Гургеномъ и Атрекомъ. Въ Хивѣ говлановъ едва-ли болѣе 2.000 семей, тогда какъ у персидскихъ границъ ихъ насчитываютъ до 4 тыс. кибитокъ.

О турменахъ хивинскаго оазиса нѣтъ повода распространяться, такъ какъ въ настоящее время ихъ значеніе для насъ не велико. Потерпѣвъ погромъ въ 1873 году, во время покоренія Хивы, они присмирѣли, если не окончательно, то на долгое время. Кромѣ того, о турменахъ хивинскаго оазиса собраны въ Туркестанскомъ краѣ свѣдѣнія, настолько подробныя, что объ нихъ наврядъ-ли можно сообщить что-либо новое. Другое дѣло турмены, занимающіе земли близъ окраинъ Персіи.

Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, нелишне сообщить нѣкоторые свѣдѣнія о племенахъ турменъ, занимающихъ лѣвый берегъ Аму-Дарьи, отъ бухарскаго города Чарджуя до города Ходжа-Сала, принадлежащаго уже къ авганскимъ владѣніямъ. Верстъ на двадцать выше Чарджуя, по Аму-Дарьѣ, живетъ турменское племя сакаръ, числомъ до 3.000 кибитокъ или семей. Отъ нихъ верстъ на 25, вверхъ по рѣкѣ, расположились два рода саяты и эски (вмѣстѣ кибитокъ до двухсотъ), принадлежащіе къ племени турменъ чоудоръ, а за этими родами начинаются сплошныя поселенія турменъ эрьсари, тянущіяся вдоль рѣки до авганской границы и переходящія даже въ авганскую территорию. Племя эрьсари раздѣляется на четыре главных отдѣленія: кара, улу-тапа, кунашъ и бекауль. Первые три отдѣленія живутъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, въ слѣдующихъ мѣстахъ: первое (кара) у уроч. Ходжа-Кундузъ, второе (улу-тапа) у урочищъ Хадачъ и Пельвартъ и третье (кунашъ) у уроч. Зеньги-Баба и Астана-Баба; отдѣленіе-же бекауль расположилось на правомъ берегу рѣки, у урочища Бурдалыкъ,

противъ уроч. Ходжа-Кундузъ. Какъ сакары, саяты и эски, такъ и эрсари даютъ только зикать со скота и по 1 кокану съ танапа земли, т. е. около 53 копѣекъ съ десятины (танапъ равенъ $2\frac{2}{3}$ десятины, а коканъ—20 копѣекъ); сакары-же, саяты и эски отдаютъ $\frac{1}{5}$ часть урожая тамъ, гдѣ земли орошаются прямо изъ водопроводныхъ канавъ, и $\frac{1}{6}$ тамъ, гдѣ для поливки нужно устраивать водолivныя колеса (по мѣстному „чигири“). Кромѣ того, эрсари обязаны выставлять определенное число всадниковъ, въ случаѣ какихъ-нибудь военныхъ дѣйствій. Численность эрсари опредѣляется такъ: отдѣленіе бекаулъ въ 2 тыс. кибитокъ, отдѣленіе кара въ 20 тыс. кибитокъ, отдѣленіе улутапа въ 20 тыс. и отдѣленіе кунашъ въ 15 тыс. кибитокъ,—итого до 60 тыс. кибитокъ; но число это, добытое по запросамъ, слишкомъ велико, сравнительно съ другими туркменскими племенами, признаваемыми за болѣе сильныя самими-же туркменами; во всякомъ случаѣ, можно считать численность племени эрсари въ 30.000 кибитокъ. Какъ эрсари, такъ сакары, саяты и эски до насъ почти никакого отношенія не имѣютъ и отдѣлены на 300 верстъ отъ южной границы нашихъ туркестанскихъ владѣній землями Бухарскаго ханства. Иногда они обращаются къ начальству Туркестанскаго округа съ просьбами о заступничествѣ въ случаѣ разныхъ притѣсненій, но тѣмъ не менѣе въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нами они не состоятъ и нашихъ границъ нисколько не тревожатъ, и если въ просьбахъ ихъ и принимается участіе, то только для поддержанія нашего вліянія въ Средней Азіи.

По берегу Каспійскаго моря, близъ Красноводска, на островахъ Челекенѣ и Огурчинскѣ и на Мангышлакскомъ полуостровѣ живутъ шихцы (шихляры); огурджалинцы и туркмены разныхъ племенъ. Общая ихъ численность простирается до 2.000 семей. Они состоятъ въ русскомъ

подданствѣ, и потому въ подробное разсмотрѣніе ихъ устройства и образа жизни здѣсь входить не къ чему, такъ какъ эти свѣдѣнія находятся въ V томѣ „Извѣстій Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ (см. 3-ій и 4-ый выпуски).

Южнѣе, у самаго Каспійскаго моря, на сѣверной сторонѣ рѣки Гургена, между этою рѣкою и рѣкою Атрекомъ и сѣвернѣе этой послѣдней рѣки расположились іомуды отдѣленія кара-чука. Все племя туркменъ-іомудовъ раздѣляется на два главныхъ отдѣленія: байрамъ-шалы и кара-чука. Первые цѣликомъ живутъ по окраинамъ хивинскаго оазиса, а вторые избрали себѣ мѣста по устьямъ рѣкъ Атрека и Гургена *). Каждое изъ двухъ главныхъ отдѣленій племени іомудовъ распадается еще на болѣе мелкія подраздѣленія, которыя, въ свою очередь, раздѣляются на колѣна (трибы или кланы), а эти послѣднія на роды.

Отдѣленіе іомудовъ кара-чука дѣлится на два колѣна, также очень большія: шарифъ-джафарбай и акъ-атабай (чони) **), занявшіе побережье Каспійскаго моря. Независимо отъ раздѣленія по происхожденію, всѣ туркмены, по роду своей жизни, дѣлятся на осѣдлыхъ, занимающихся земледѣліемъ и носящихъ названіе чомуръ, и кочевыхъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто со стадами верблюдовъ и овецъ и называющихся чорва. Дѣленіе на кочевыхъ и осѣдлыхъ, обусловленное необходимостью для каждой семьи имѣть хлѣбъ и прочіе жизненные припасы, въ концѣ концовъ привело къ раздѣленію занятій между членами семьи, такъ какъ занятія хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ въ степеняхъ требуютъ

*) Въ Хивинскомъ ханствѣ, впрочемъ, живетъ и часть отдѣленія кара-чука (до 1.000 кибитокъ), но всѣ остальные занимаютъ мѣстности у Каспійскаго моря, сѣвернѣе Персіи.

**) Обыкновенно наименованія чони и шарифъ не употребляются; говорятъ просто: джафарбай и атабай.

каждое совершенно особаго образа жизни. Тѣмъ не менѣе, между чорвой и чомурами существуетъ непрерывная связь и часто принадлежащіе къ чорвѣ дѣлаются чомурами, а чомуры обращаются въ чорву. Все зависитъ отъ обстоятельствъ: потеря скота или верблюдовъ или, наоборотъ, приобрѣтеніе ихъ измѣняютъ и образъ жизни и занятій туркменъ. Вслѣдствіе этого, члены одного и того-же колѣна и даже родные братья принадлежать: одни къ чорвѣ, другіе къ чомурамъ. Кочевое хозяйство вообще, а въ степяхъ въ особенности, требуетъ частой перемѣны мѣста, а иначе скотъ худѣетъ и болѣетъ; вслѣдствіе этого, кочевники джафарбаевъ и атабаевъ лѣтомъ переходятъ на сѣверъ отъ Атрека и занимаютъ: первые — мѣстности, сосѣдственныя съ Каспійскимъ моремъ, южнѣ Балханскаго залива (почти на срединѣ разстоянія между этимъ заливомъ и устьемъ Атрека), а вторые — земли, прилежащія къ теченію рѣки Сумбара, которая есть главный притокъ Атрека. На зиму всѣ іомуды отдѣленія кара-чука перекочевываютъ на персидскую территорию, гдѣ группируются между оконечностями рѣкъ Гургена, Атрека и Черной рѣчки, причемъ джафарбаевцы занимаютъ самое побережье Каспійскаго моря, а атабаевцы смежныя мѣстности. Зимній періодъ, выражающійся у Атрека дождями и изрѣдка снѣгомъ и холодами, рѣдко доходящими до 6° и 7° Р. *), продолжается четыре мѣсяца, начиная съ ноября, и съ первыми числами марта начинается опять откочевываніе въ степи чорвы, тогда какъ чомуры остаются на прежнихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, кочевые іомуды (чорва) отдѣленія кара-чука проводятъ въ русскихъ предѣлахъ, сѣвернѣ Атрека, ежегодно восемь или около того мѣ-

*) Наибольшую суровость отличалась зима 1877—1878 гг., и все-таки въ городѣ Астрабадѣ, лежащемъ къ югу отъ Атрека по меридіану на 60 верстѣ, болѣе 7° Р. морозу не было, да и то въ теченіи одного-двухъ дней, а снѣгъ лежалъ не болѣе недѣли. Это свѣдѣніе сообщено русскимъ консуломъ въ Астрабадѣ, г. Бакулинымъ.

саяцевъ и въ Персіи, въ районѣ Астрабадской провинціи, остальное время года. Изъ оеѣдлаго населенія іомудовъ (чомуры) атабаевцы всѣ помѣщаются между рѣками Гургеномъ и Атрекомъ и по лѣвую сторону Гургена, а джафарбаевцы въ значительной своей части, нѣсколькими большими аулами, живутъ и на правомъ — сѣверномъ — берегу Атрека, т. е. въ нашихъ предѣлахъ и признаютъ себя въ русскомъ подданствѣ; атабаевцы-же, напротивъ, считаютъ себя подвластными Персіи. Жизнь близъ моря туркменъ вызвала у нихъ тѣ-же стремленія къ морскимъ плаваніямъ, какъ и у другихъ народовъ. На морѣ, какъ и на сушѣ, туркмены одинаковы: какъ вдали отъ моря, въ степяхъ, они вовсе не представляются смиренными пастухами, любящими миръ и спокойствіе, а, напротивъ, грозю сосѣдей и хищниками, отправляющимися для грабежа въ набѣги за 400—500 верстъ по степямъ, лишеннымъ воды и жилья, такъ и на морѣ туркмены до послѣднихъ временъ занимались грабежомъ. Они и теперь отъ времени до времени производятъ мелкіе грабежи по побережьямъ Астрабадскаго залива, но только въ самомъ скромномъ, — если можно такъ выразиться, — размѣрѣ. Еще очень не далеко то время, когда по Каспійскому морю ходили туркменскія лодки, захватывая въ плѣнъ нашихъ астраханскихъ и уральскихъ рыболововъ, и не далѣе какъ десять лѣтъ тому назадъ были освобождены изъ плѣна два матроса наши, захваченные жителями ауловъ, лежащихъ при устьѣ Атрека, и тутъ-же содержавшіеся въ плѣну. Но постепенное занятіе нами всего восточнаго берега Каспійскаго моря, отъ р. Эмбы до устья Атрека, и устройство морской станціи на островѣ Ашуръ-Адѣ связало туркменъ и по рукамъ, и по ногамъ, и они уже на разбой не выходятъ, а занимаются только близъ береговъ рыболовствомъ, продавая добытое ими рыбопромышленникамъ, или жителямъ острова Ашуръ-Адѣ и въ Красноводскѣ. Теперь

только иногда прибрежные туркмены, пользуясь темнотою ночи, пробираются въ Астрабадскій заливъ на своихъ кулакахъ *) и съ сѣверной его оконечности захватываютъ персіанъ, ѣдущихъ и идущихъ по большой дорогѣ, пролегающей параллельно морскому берегу, верстахъ въ шести отъ него. Но такіе грабежи дѣлаются партіями въ три и четыре человека не болѣе, такъ какъ польза отъ взятыхъ въ плѣнъ персіанъ не велика, за невозможностью ихъ продать куда-либо.

Іомуды джафарбаевцы и атабаевцы дѣлятся, какъ уже сказано, на трибы или кланы (колѣна), а эти послѣдніе на роды. Всѣ эти подраздѣленія носятъ каждое особое названіе. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Закаспійскомъ отдѣлѣ, джафарбаевцы и атабаевцы дѣлятся на слѣдующіе роды:

Чони (акъ-атабай) на:

Акъ-атабай, акъ-дазъ, а.-ѣймиръ, а.-бадракъ, а.-недыръ, а.-каджакъ и акъ-канъ-юкшазъ.

Шарифъ (джафарбай) на:

Шарифъ-нурали и шарифъ-ярали.

Эти послѣдніе дѣлятся:

Нурали на: кельте, каринджикъ, кѣшъ (казанлыкоръ), коюнлыкоръ, пангъ и деведжи.

Ярали дѣлятся на: овнухъ, овнухъ-тумаджъ, визыльчуканъ и аррыкъ-саекали.

Бодѣ описываетъ раздѣленіе всѣхъ іомудовъ такъ: „Іомуды ведутъ свой родъ отъ Ямуда, отца четырехъ сыновей: Шерефа, Чуни, Байрамъ-Шали и Кучукъ-Татаръ; потомки этихъ четырехъ братьевъ подраздѣляются на слѣдующія племена:

*) Кулакъ—лодка, выдолбленная изъ цѣльнаго древеснаго ствола, сажени въ двѣ длиною, могущая поднять не болѣе трехъ и много-много четырехъ человека.

1) Племя Шерефа на: джафаръ-бай, эльчи, карауѣ, балаке, боче и деведжи.

2) Племя Чуни на: огъ, ятабай, ельме, конгирме, дазъ, бадрикъ, каны-схмазъ, имиръ, машрышъ, ндиръ и кучекъ.

3) Племя Байрамъ-Шали на: салахъ, окузъ, кушакъ, керемеи, урхузъ-кучи.

4) Племя Кучукъ-Татаръ на: кяке, гейведи, данеринъ, керрикъ, мягреме, куруме, кизылъ и аккаринъ.“

Эти подраздѣленія расходятся съ тѣми, которыя значатся въ свѣдѣніяхъ Закаспійскаго отдѣла. Но послѣднимъ, очевидно, нужно отдать преимущество потому, что теперь джафарбаи въ значительной части признають себя русско-подданными и, слѣдовательно, въ Закаспійскомъ отдѣлѣ имѣлась возможность познакомиться основательно съ іомудами и ихъ подраздѣленіями, тогда какъ Боде могъ ограничиться только распросами черезъ вторыя или третьи руки, не зная самъ туркменскаго языка. Кромѣ того, у Боде два главныхъ подраздѣленія кара-чука и байрамъ-шалы смѣшаны, также какъ и самое распредѣленіе этихъ подраздѣленій (первыхъ—у береговъ Каспійскаго моря, а вторыхъ—въ хивинскомъ оазисѣ); наконецъ, названія сообщаются у Боде весьма неправильно, и это, не говоря уже о несомнѣнныхъ опечаткахъ, надобно отнести къ ошибкамъ при самомъ записываніи черезъ переводчиковъ изъ персіанъ, произносящихъ туркменскія слова на свой ладъ.

Числительность джафарбаевъ и атабаевъ, по распроснымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Закаспійскомъ отдѣлѣ, опредѣляется: для джафарбаевъ въ 8.000 кибитокъ, изъ коихъ 4.500 кибитокъ принадлежатъ къ чорвѣ или кочевымъ, 3.500 кибитокъ—къ чомурамъ или осѣдлымъ, а для атабаевъ въ 7.000 кибитокъ, изъ коихъ 4.500 также чорвы и 2.500 кибитокъ чомуры. Такимъ образомъ, общая

численность всего отдѣленія іомудовъ-кара-чука доходить до 15.000 кибитокъ и изъ нихъ 9.000 кибитокъ находятся ежегодно въ теченіи почти 8-ми мѣсяцевъ на лѣтовкахъ и до 1.000 кибитокъ живутъ осѣдло, постоянно въ аулахъ, на сѣверной сторонѣ Атрека, а остальные только 5.000 кибитокъ, не переходя никогда Атрека, остаются въ районѣ персидской территоріи. Другихъ цифровыхъ данныхъ, которыми-бы могли съ болѣею точностью опредѣлить численность джафарбаевъ и атабаевъ, нѣтъ. Распросы, произведенные во время поѣздки по сѣверу Персіи и свѣдѣнія, имѣющіяся въ нашемъ астрабадскомъ консульствѣ *), приводятъ только къ тому-же, что джафарбаи больше числомъ, чѣмъ атабаи.

Восточнѣе іомудовъ, между рѣками Атрекомъ и Гургеномъ, расположились туркмены-гокланы, признающіе надъ собою власть Персіи и платящіе ежегодно подать правителю Бужнурдской провинціи въ опредѣленномъ количествѣ 6.000 тумановъ **).

Гокланы дѣлятся на слѣдующіе отдѣленія и роды:

1) *Гаи*, живущіе въ селеніи Карри-кала и въ ущельи Дару. Они раздѣляются на роды: бакаджа, мулла-мамедъ, дару-мамедъ, ташекъ-м., япагы-м., суваръ-м., арабъ-м., ташакъ-м., карнасъ-м., абшакъ-м. и чайдаръ-мамедъ; эркекли шейха-такенджи, кенекъ-т., саранлы-т., чихлыкъ-такенджи; джанъ-курбанли, дели, карабалханъ-арабъ, киръ, караларъ, хаджи-бай, пашай, чутуръ, сыгыръ-сики и мирза-бай.

2) *Баяндыръ* живутъ у прохода Пишъ-и-Кемеръ. Они раздѣляются на роды: курумъ, шейтанъ, чуррикъ, калайчи, курикъ и асаглыкъ.

*) Эти свѣдѣнія собраны также только по распросамъ.

**) Одинъ туманъ въ Персіи равенъ нашимъ тремъ рублямъ, но, съ паденіемъ въ последнее время нашего курса, туманъ равенъ четыремъ кредитнымъ рублямъ.

3) *Кырык* живутъ въ урочищахъ Меджеваръ-Тука и Нузъ. Они раздѣляются на: гёкче, кара-кузи, софіанъ, тамыръ, караджа, кава-сакаллу, даанэ и каризлы.

4) *Ай-дервиш* живутъ въ урочищѣ Кара-Шейхъ. Они дѣлятся на роды: учи, аджанъ, банджикъ, тегень, хурте, чикъ и сари.

5) *Чакыръ-бекъ-дели* живутъ у горы Наль-кухъ въ Дахана. Они раздѣляются на роды: чакыръ, карауль, куль-кара, ковсе, панкъ, аманъ-ходжа, арабъ, байналь, боранъ и карышмалъ.

6) *Янгакъ-сагри* живутъ у развалинъ Гумбези-Каусъ, въ деревнѣ Сангеръ, принадлежащей хаджиляръ (родъ племени юмудовъ). Они раздѣлены на роды: акъ-шуръ, кара-шуръ, дизагре, онгутъ, кушчи, харъ и геркязъ.

По преданіямъ гоклановъ, они ведутъ себя отъ двухъ братьевъ: Додурга и Али-дагли; отъ перваго пошли роды баяндыръ, кырыкъ и янгакъ-сагри, а отъ втораго—гаи, ай-дервишъ и чакыръ-бекъ-дели.

Общая численность гоклановъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ консуломъ въ Астрабадѣ, г. Бакулинымъ, доходитъ до 4 тыс. кибитокъ *), хотя правитель Буджнурдской

*) У барона Боде, въ его статьѣ „*Quelques aperçus sur les turcomans à l'orient de la mer Caspienne*“, помѣщенной въ 1852 году въ журналѣ „*Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques*“, число гоклановъ опредѣлено въ 2.500 кибитокъ, но теперь несомнѣнно ихъ должно быть больше, между тѣмъ Вларамбергъ, бывшій въ Персіи въ 1837—1840 годахъ, т. е. гораздо раньше Боде, опредѣляетъ число гоклановъ въ 9 тыс. кибитокъ. Боде въ своемъ сочиненіи „*Очерки туркменъ и юго-восточнаго побережья Каспійскаго моря*“ говоритъ, что нѣкогда гоклановъ считалось до 12.000 семей, но число ихъ уменьшилось: во-первыхъ, вслѣдствіе нашествія хивинскаго хана, который насильно увелъ часть гоклановъ въ свои владѣнія, а во-вторыхъ, вслѣдствіе дурнаго обращенія съ гокланами персидскихъ войскъ, пришедшихъ, съ Мухамедъ-шахомъ во главѣ, на берега Гургена. Это послѣднее обстоятельство побудило большинство переселиться въ Хиву, такъ что изъ 9.000 семей, послѣ возвращенія шаха въ столицу, осталось только 2.000. Впрочемъ, не нашедши въ Хивинскомъ ханствѣ такихъ удобствъ въ земельных отношеніяхъ, къ которымъ они привыкли съ дѣтства, гокланы мало-по-

провинціи считаетъ ихъ всего только 1.800 кибитокъ. Интересъ его уменьшить число кибитокъ, потому что тегеранское правительство, получивъ свѣдѣніе о болѣеи цифрѣ кибитокъ у гоклановъ, прикажетъ буджнурдскому ильхани собирать и подати съ нихъ не въ 6.000 тумановъ, какъ это до-сихъ-поръ было, а значительно больше; между тѣмъ ильхани (титულъ правителя Буджнурда) собираетъ съ нихъ не 6.000 тумановъ, установленныхъ росписью тегеранскою и поступающихъ на увеличеніе доходовъ Астрабадской провинціи по содержанію въ этой провинціи войскъ, а вчетверо больше, и, конечно, увеличеніе съ гоклановъ податей по росписи уменьшить доходъ самого ильхани, такъ какъ едва-ли гокланы согласятся вносить еще что-либо, кромѣ 24.000 тумановъ, съ нихъ взыскиваемыхъ. Поэтому понятно вполне, что цифра населенія гоклановъ, показанная правителемъ Буджнурда, не можетъ заслуживать довѣрія; такъ какъ она даже меньше той, которая показана Бодѣ въ его мемуарахъ, писанныхъ тридцать почти лѣтъ тому назадъ, а съ тѣхъ поръ гокланское населеніе должно было увеличиться хоть немного, такъ какъ ни истребительныхъ войнъ, ни эпидемій между гокланами за это время не существовало.

Гокланы занимаютъ волнистую мѣстность между предгорьями хребтовъ Эльбурскаго и Копепетъ-дага, и едва-ли это не самый прелестный уголокъ на всемъ сѣверѣ Персіи: тутъ обиліе земель, годныхъ для культуры, обиліе воды, пастбищъ и лѣсу. Баронъ Бодѣ самыми яркими красками описываетъ гокланскія кочевья. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Изъ всѣхъ туркменскихъ племенъ природа всѣхъ благосклоннѣе къ гокланамъ; земля у подошвы горъ негра-

малу возвращались на родину; но они должны были переходить весьма тайно, потому что ханъ строго воспретилъ выпускать ихъ изъ Хивы. Кого могли настичь, осуждали на смерть и казнили самою варварскою казнью, на страхъ другимъ перебѣжчикамъ.

вненно удобнѣе для земледѣлія, чѣмъ въ долинахъ, и гораздо плодороднѣе. Рѣки, текущія съ горъ, и частые дожди, привлекаемые этими-же горами и покрывающими ихъ густыми лѣсами, доставляютъ воду въ изобиліи.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ восхваляетъ мѣстность по Гургену такими словами: „Кто, подобно мнѣ, провелъ много лѣтъ въ средней Персіи, состоящей изъ бесплодныхъ горъ и бесплодныхъ долинъ, для того сѣверный склонъ Эльбурскихъ горъ, увѣнчанный роскошными лѣсами, испещренный прелестными долинами, орошенный многочисленными рѣками, украшенный великолѣпною растительностью, имѣетъ особую прелесть. Въ частыхъ и продолжительныхъ путешествіяхъ моихъ на Востокъ и на Западъ никогда не видалъ я страны, которая равнялась-бы красотой съ Джурджаномъ; здѣсь миловидность англійскихъ ландшафтовъ соединена съ величественными картинами Кавказа.“ Эти яркія краски нисколько не преувеличены. Положеніе при-гургенскихъ земель между горами, прикрывающими ихъ отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ холодныхъ теченій, и близость моря обуславливаютъ такую роскошную растительность.

Чтобы лучше объяснить благопріятность положенія голландскихъ земель, займемся топографическимъ описаніемъ всей сосѣдней мѣстности. Отъ Красноводска, и Балханскаго залива по прямой линіи на Ю.-В. протянулся, верстъ на 400, длинный горный хребетъ, прорванный въ двухъ мѣстахъ. Часть хребта между первымъ прорывомъ и Балханскимъ заливомъ, въ который когда-то текла р. Аму-Дарья, носитъ названіе Большихъ Балхановъ; вторая часть хребта, находящаяся между прорывами, называется Малыми Балханами, а отъ второго прорыва и далѣе къ югу, до половины всей длины горной системы, хребетъ названъ Кюрень-дагомъ; наконецъ, вся остальная южная половина хребта известна подъ именемъ Копепеть-дага или Даманъ-и-кухъ. Такимъ

образомъ, цѣпь горъ, простирающаяся отъ Красноводска и Балханскаго залива къ Ю.-В., имѣетъ въ первой своей половинѣ до уроч. Кизылъ-Арвата два прорыва и три названія, а во второй своей части составляетъ непрерывную стѣну съ однимъ названіемъ по всему протяженію стѣны. Съ сѣверной стороны этой горной системы разстилается необозримая пустыня, доходящая до Усть-Урта и ограниченная: съ С. старымъ русломъ Аму-Дарьи (Узбоемъ), съ В. теченіемъ Аму-Дарьи и съ Ю., съ одной стороны, послѣдними отрогами Гинду-куша и Паропамизскаго хребта, а съ другой, отъ южнаго края Каспійскаго моря, Эльбурскимъ хребтомъ. Одна вѣтвь этого хребта у Астрабада принимаетъ сѣверо-восточное направленіе и сходится съ оконечностью хребта Копепеть-дага у крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ Персіи, близъ провинціи Дереза.

Между хребтомъ Копепеть-дагомъ и сѣвernoю вѣтвью Эльбурскаго хребта и Каспійскимъ моремъ образуется горный треугольникъ, вершину котораго составляетъ узелъ соединенія хребтовъ Копепеть-дага и Эльбурскаго, бока—оба эти хребта, а основаніе—восточный берегъ Каспійскаго моря отъ Балханскаго залива до устьевъ рр. Атрека и Гургена. Южная сторона этого треугольника (вѣтвь Эльбурскаго хребта) значительно выше сѣверной и вообще вся мѣстность въ треугольникѣ постепенно понижается отъ вершины къ основанію, т. е. отъ узла соединенія хребтовъ къ Каспійскому морю. Съ южной стороны треугольника вытекаетъ Атрекъ, который, прорвавшись севозъ Эльбурскій хребетъ, входитъ въ самый треугольникъ, принимая въ себя всѣ рѣчки, вытекающія съ разныхъ сторонъ треугольника. Атрекъ, послѣ прорыва севозъ Эльбурскій хребетъ, отходитъ отъ этого хребта на довольно значительное разстояніе къ сѣверу, и вотъ въ этомъ пространствѣ, между рѣкою Атрекомъ и Эльбурскимъ хребтомъ, берутъ начало два

истока Гургена, соединяющіеся потомъ вмѣстѣ; Гургень впадаетъ въ Каспійское море, версть на 20 къ югу отъ Атрека. Версть на 100 не доходя до Каспійскаго моря, въ Атрекѣ впадаетъ съ сѣвера Сумбаръ, самый значительный притокъ, и черта теченія Сурмбара какъ-бы служить гранью для горъ. За Сумбаромъ, по направленію къ Каспійскому морю, мѣстность еще не много волниста, но чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ волны уменьшаются и, наконецъ, переходятъ въ совершенную равнину, по которой только кое-гдѣ поднимаются незначительныя одинокія возвышенности, уподобляющія скорѣе курганамъ, не имѣющимъ между собою никакой связи. Такимъ образомъ, весь описанный треугольникъ представляетъ сначала гористую мѣстность, значительно возвышенную на В., въ вершинѣ треугольника, и мало-по-малу понижающуюся къ З., а затѣмъ, отъ сліянія Сумбара съ Атрекомъ до Каспійскаго моря, совершенную плоскость. Всѣ отрасли хребта Копепеть-дага, ограничивающія треугольникъ съ сѣвера, идутъ почти по параллелямъ съ В. на З., прикрывая каждую рѣчную долину отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ воздушныхъ теченій. Хребетъ-же Копепеть-дагъ, не смотря на свою относительно слабую высоту, служитъ преградою тѣмъ-же вѣтрамъ на всемъ пространствѣ, лежащемъ за нимъ къ югу.

Вотъ тѣ мѣстныя условія, которыя дѣлаютъ все пространство въ треугольникѣ между хребтами Эльбурзскимъ и Копепеть-дагомъ однимъ изъ самыхъ благорастворенныхъ уголковъ земли. Здѣсь бываютъ дожди и снѣгъ въ горахъ, тогда какъ рядомъ въ пустынѣ, лежащей сѣвернѣе хребта Копепеть-дага, и дождь и снѣгъ составляютъ рѣдкое явленіе, а вслѣдствіе этого, вся мѣстность по обѣ стороны Атрека, въ особенности на его лѣвой сторонѣ, между этою рѣкою и р. Гургеномъ, представляетъ всѣ данныя для самаго широкаго земледѣлія. Въ этихъ мѣстностяхъ растутъ:

рисъ, хлопокъ, грецкій орѣхъ, персики, лимоныя и апельсиныя деревья, сахарный тростникъ. Наконецъ, тутъ-же видны остатки значительныхъ городовъ, какъ-то: Джорджана, Гумбедъ-и-Кауса, Мешхедъ-и-Месріана и другихъ. Въ особенности замѣчателенъ послѣдній, лежащій уже на равнинѣ, на сѣв. отъ Атрека, верстахъ отъ него въ сорока. Развалины города занимаютъ значительное пространство. Есть еще постройки, почти совершенно сохранившіяся, какъ, напр., нѣсколько минаретовъ. Къ этому городу, стоявшему вдали отъ рѣкъ, вода была проведена канавою изъ р. Сумбара *); слѣды этой канавы ясны почти на всемъ ея протяженіи. Мѣстность по Гургену (Гургаму), извѣстная въ древности подъ именемъ Гирканіи, славилась и въ тѣ времена своими красотою и плодородіемъ. У Бодѣ читаемъ: „Не должно забывать, что мы теперь находимся въ странѣ Веркана, седьмой райской обители, о которой съ услажденіемъ упоминаютъ зендскія лѣтописи, и я не удивляюсь, что въ позднѣйшіе вѣка Діодоръ, въ описаніи Александрова похода въ Персію, говоритъ: проходя черезъ Гирканію (Веркана, Джурджанъ, Гурганъ), Александръ очутился посреди жилищъ, извѣстныхъ подъ именемъ счастливыхъ деревень (Дехъ-и-станъ). Онѣ вполне заслуживаютъ этого названія, потому что ни въ какой странѣ міра не найдете вы такихъ прекрасныхъ плодовъ (Diodorus Siculus, lib. XVII). Далѣе историкъ описываетъ изобиліе винограда, хлѣба, смоквъ и меда въ здѣшнемъ краю.“

Изъ этого описанія видно, что яркія краски, которыми Бодѣ изобразилъ прелести мѣстности между рѣками Гургеномъ и Атрекомъ, гдѣ теперь живутъ гокланы, вовсе не преувеличены. Но Бодѣ ѣхалъ изъ Астрабада, гдѣ растительность еще шире, еще грандіознѣе, а если ѣхать съ сѣвера, съ бесплодныхъ степей у стараго русла р. Аму-

*) Канавы эта носитъ названіе место-доуравской канавы.

Дары, то очарованіе будетъ еще сильнѣе. Тѣмъ не менѣе, все пространство на сѣв. отъ Атрека и на вост. отъ Сумбара, до самыхъ переваловъ черезъ хребетъ Копепеть-дагъ, не занято поселеніями и представляетъ гористую пустыню, на которой во многихъ мѣстахъ видны развалины селеній. Тутъ только встрѣчаются двѣ населенныя деревни: Карри-кала и Нухуръ; всѣ остальные уничтожены текинцами, страшными врагами всего, что не ихъ и что не принадлежитъ къ ихъ племени.

II.

Текинцы.—Оазисы Ахаль и Мервъ.—Страна, расположенная по р. Герри-руду.—Ахаль-текинцы и ихъ страна.—Утвержденіе ахаль-текинцевъ въ Мервѣ.—Сарыки.—Салыры.

Текинцы—это одно изъ туркменскихъ племенъ, значительное, по численности, въ сравненіи съ другими туркменскими племенами. По мѣсту жительства, текинцы раздѣляются на текинцевъ Ахала и на текинцевъ Мерва. Ахаломъ называется удобная для земледѣлія узкая полоса земли, тянущаяся по сѣверной сторонѣ хребта Копепеть-дага, отъ его начала у Кизылъ-Арвата до окончанія, близъ персидской провинціи Дерегеза. Съ сѣверной стороны этой удобной къ культурѣ полосы залегаютъ пески, доходящіе до Узбоя. Ограниченный съ Ю.-З. горами. Копепеть-дага и со всѣхъ остальныхъ сторонъ песчанюю пустынею, Ахаль имѣетъ большое сходство съ оазисами средней Африки. Положеніе Мерва совершенно иное. Ахаль лежитъ у подножія горъ, а Мервъ на оконечности рѣки Мургъ-аба („куриная вода“), вытекающей съ сѣверныхъ склоновъ Паропамизскаго хребта. Кругомъ Мерва также степи, отдѣляющія его

со всѣхъ сторонъ отъ всякаго жилаго мѣста; только по самой р. Мургъ-абѣ тянутся жилища туремень, доходящіе до отроговъ Паропамизскаго хребта; но и эти поселенія часто прерываются на нѣсколько десятковъ верстъ. Разстояніе между крайнимъ восточнымъ поселеніемъ Ахала (селеніемъ Гяуарсомъ) и Мервомъ, т. е. между двумя оазисами, занятыми текинцами, слишкомъ 200 верстъ. На этомъ промежуткѣ нѣтъ никакого населенія, хотя по срединѣ этого пространства протекаетъ р. Герри-рудъ, извѣстная у туркменъ подъ названіемъ Тедженъ-дарьи или Сарахсъ-дарьи. Рѣка Герри-рудъ беретъ начало съ южнаго склона Паропамизскаго хребта и, прошедши подъ хребтомъ въ прямомъ направленіи съ В. на З. до 400 верстъ, поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ на С. У начала поворота рѣка прорывается сквозь отроги Паропамизскаго и Эльбурскаго хребтовъ и затѣмъ выбѣгаетъ въ степи, между Мервомъ и Ахаломъ, гдѣ и теряется въ разливахъ, пропадая совершенно непроизводительно. Сорокъ лѣтъ тому назадъ текинцы Мерва жили на р. Герри-рудѣ, у уроч. Оразъ-кала, верстахъ въ 80-ти отъ оконечности Ахала, но персіане уничтожили это поселеніе, производившее постоянно хищническіе набѣги на персидскую территорію, и съ тѣхъ поръ между Мервомъ и Ахаломъ нѣтъ никакого населенія. Иногда только изъ Мерва пригоняютъ къ Герри-рудѣ стада овецъ и верблюдовъ для ластьбы; но персіане слѣдятъ за этимъ и, получивъ объ этомъ свѣдѣнія, бросаются туда и угоняютъ стада, такъ что текинцы рѣдко выходятъ къ Герри-рудѣ со стадами.

Въ степяхъ Средней Азіи, также какъ и въ африканскихъ и австралійскихъ пустыняхъ, вода—альфа и омега всего. Безъ воды нѣтъ существованія, и потому въ степяхъ, тянущихся на сѣверъ отъ Ахала и Мерва, не видно ни звѣря, ни птицы. Тамъ, гдѣ есть только колодцы, появ-

ляются и маленькія птички, спускающіяся въ колодезь, чтобы напиться воды. Колодцы иногда очень глубоки; тѣмъ не менѣе, птицы влетаютъ въ нихъ, и этотъ фактъ, неизвѣстный въ другихъ мѣстностяхъ, изобилующихъ проточною водою, здѣсь въ степяхъ наблюдается у всякаго колодца.

Ахаль получаетъ воду изъ множества горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, текущихъ съ сѣверной покатости хребта Копепеть-дага. У юго-восточнаго своего конца хребетъ Копепеть-дагъ значительно выше, чѣмъ на С.-З., близъ Кизыль-Арвата; кромѣ того, на Ю.-В. онъ сближается съ болѣе высокою цѣпью горъ Эльбурскаго хребта, достигающею въ узлѣ Хезаръ-Месджидъ слишкомъ 10.000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. Поэтому ручьи, текущіе съ сѣверной стороны хребта Копепеть-дага, болѣе обильны водою у юго-восточнаго его конца, чѣмъ у сѣверо-западнаго, и вслѣдствіе этого и населеніе текинцевъ болѣе густо на юго-восточномъ концѣ оазиса, чѣмъ на сѣверо-западномъ. Кизыль-Арватъ составляетъ крайнее сѣверо-западное поселеніе Ахала и отъ него деревни или, какъ принято ихъ называть, крѣпости текинцевъ *) идутъ сначала въ одну линію, а потомъ въ двѣ и болѣе линій, до поселенія Эшхабада, лежащаго уже близъ восточнаго конца оазиса и почти у окончанія хребта Копепеть-дага. Восточнѣе Эшхабада есть только двѣ деревни: Аннау и Гауарсъ. Послѣдняя составляетъ крайнее юго-восточное поселеніе Ахала. Такимъ образомъ, весь оазисъ тянется отъ Кизыль-Арвата до Гауарса почти на 250 верстѣ. Ширина его не болѣе 20 или 30 верстѣ по окраинамъ, а близъ середины доходитъ до 60 верстѣ. Здѣсь находится селеніе Гокъ-тепе, составляющее центръ всего Ахала, потому что тутъ живутъ всѣ наиболѣе

*) На Востокъ всякое поселеніе обнесено, для защиты отъ нападеній, глиняною стѣною значительной высоты и толщины, вслѣдствіе чего всѣ поселенія имѣютъ видъ укрѣпленій или крѣпостей.

вліятельныя личности и отсюда направляются всякіе, болѣе серьезные набѣги. Тутъ-же, конечно, происходятъ совѣщанія и обо всѣхъ вопросахъ, относящихся или до всего оазиса, или до бѣльшей его части. Всѣхъ деревень въ Ахалѣ насчитываютъ до пятидесяти, но точнаго названія всѣхъ этихъ деревень привести невозможно, потому что сами текинцы, съ которыми приходилось изрѣдка встрѣчаться путешественникамъ, неохотно рассказываютъ о своей землѣ и вообще стараются избѣгать подобныхъ разговоровъ *). Тѣмъ болѣе трудно опредѣлить относительное положеніе деревень, и поэтому у путешественниковъ встрѣчается значительное разнорѣчіе въ названіяхъ деревень и еще бѣльшее въ размѣщеніи ихъ на картахъ, такъ какъ такое размѣщеніе приходится дѣлать по счету фарсаховъ или агачей (мѣра для опредѣленія длины дорогъ и разстояній), величина которыхъ не опредѣлена и у текинцевъ иная, чѣмъ у курдовъ—ихъ сосѣдей, а у курдовъ иная, чѣмъ у персіянъ **). Если путешественникъ начинаетъ считать персидскими фарсахами, то онъ непременно ошибется; точно также онъ неминуемо ошибется, если захочетъ перевести мѣстные агачи или фарсахи на персидскіе, потому что часто разстояніе въ фарсахъхъ выражаетъ не только абсолютную длину дороги, но и самую затруднительность пути. Если путь между двумя пунктами проходитъ по труднымъ горнымъ дорогамъ, то число фарсаховъ будетъ больше, хотя дѣйствительное разстояніе можетъ быть равно разстоянію между другими дву-

*) Свѣдѣнія, сообщаемыя объ ахалъ-текинскихъ крѣпостяхъ, собраны отъ персіянъ, побывавшихъ тамъ въ плѣну или въ бѣгахъ, и относятся только до деревень, прилегающихъ къ юго-восточной половинѣ хребта Копетъ-дага, такъ какъ спрашиваемые проживали въ этой только мѣстности и не имѣли свободы развѣзжать по всему оазису.

**) У персіянъ фарсахъ отъ 5 до 7 верстъ и въ среднемъ почти равенъ 6-ти верстамъ, а у курдовъ агачъ иногда равенъ 10 верстамъ, также какъ и у текинцевъ.

мя пунктами, лежащими на мѣстности ровной или немного волнистой.

Съ сѣвернаго склона хребта Копепеть-дага, у юго-восточной оконечности его, вытекають ручьи: Гѣзь-баши, Котуръ, Фирузе, Каргы-су и Гярмау. Верховьями ручьевъ Фирузе и Гярмау пользуются курды Кучана, персидской провинціи; низовья-же ихъ эксплуатируются текинцами, равнымъ образомъ и воды ручьевъ Гѣзь-баши, Котура и Каргы-су.

По этимъ ручьямъ расположены слѣдующія текинскія деревни: у выхода р. Гѣзь-баши изъ горъ лежитъ селеніе Багыръ, въ 200 дворовъ, принадлежащихъ къ роду гѣкче. За этимъ селеніемъ рѣчка Гѣзь-баши, весьма многоводная, дѣлится на пять канавъ. Одна канава или вѣтвь идетъ къ деревнѣ Харри-кала, въ 700 дворовъ, изъ родовъ ясманъ, саликъ, миришъ и чалтекъ. На оконечности канавы, ниже селенія Харри-кала, расположена деревня Миравы, въ 150 дворовъ, рода ясманъ. За деревнею Миравой канава изсякаетъ, такъ какъ она разбирается вся на орошеніе полей. Другая вѣтвь идетъ къ селу Дештъ-и-Кипчакъ (или просто Кипчакъ), въ 600 дворовъ, рода конгуръ. Третья канава питаетъ деревню Гѣкче и ея поля. Деревня Гѣкче населена 700 семьями рода гѣкче. Четвертая канава служитъ деревнѣ Гѣши, насчитывающей до 1.000 семей и, наконецъ, пятая канава направляется къ селенію Эшхабаду, въ которомъ считаютъ до 2.000 семей. Эшхабадъ, если не самое большое, то одно изъ наиболѣе значительныхъ поселеній въ Ахалѣ. Жители его размѣщены въ восьми отдѣльныхъ деревняхъ или крѣпостяхъ, весьма близкихъ одна къ другой. Такимъ образомъ, одна только рѣчка Гѣзь-баши, вытекающая изъ юго-восточной оконечности хребта Копепеть-дага, имѣющей мѣстное названіе Гюлюль-дагъ, служитъ для шести деревень Ахала, съ населеніемъ въ 5.350 дворовъ.

Рѣчка Котуръ, вытекающая западнѣе рѣки Гёзъ-баши, идетъ къ двумъ деревнямъ Бизменъ (въ каждой по 1.000 дворовъ), населеннымъ: одна родомъ карадашъ-аякъ, а другая акъ-дашъ-аякъ.

Рѣчка Фирузе, по выходѣ изъ тѣснины, отдѣляющей верхнюю часть ея долины отъ нижней, направляется къ деревнямъ Бавъ-арабъ, въ 100 дворовъ, и Изганъ, въ 600 дворовъ.

Западнѣе этихъ деревень, на рѣкѣ Каргы-су, берущей начало въ горахъ между рр. Фирузе и Гармау, лежатъ четыре деревни: Курджу, въ 700 дворовъ, рода кара-вонгуръ; Шоръ-кала, въ 150 дворовъ, рода гёкче; Емишанъ, въ 100 дворовъ, рода аманъ-шахъ, и Кяляджаръ, въ 80 дворовъ, рода гёкче. Рѣчка Каргы-су, по выходѣ изъ горъ, проходитъ сначала мимо развалинъ бывшей персидской деревни Хуршанъ, а потомъ уже направляется къ названнымъ четыремъ селениямъ. На западъ отъ этихъ деревень, на р. Гармау, лежатъ деревни Янги-кала, населенная 700 семействъ, изъ родовъ сычмезъ, какшалъ и букри, раздѣленныхъ на пять отдѣльныхъ деревень.

На С.-З. отъ Янги-кала, по подножію хребта Копепеть-дага, расположены деревеньки: Келяте, въ 40 дворовъ, рода кара-юрмэ; Караганъ, въ 60 дворовъ, рода каджукъ (?); Барзанъ, въ 50 дворовъ, рода какшалъ, и Дурунъ, въ 40 дворовъ, рода акъ-дашъ-аякъ. Деревеньки лежатъ не на одной рѣкѣ, а на нѣсколькихъ небольшихъ ручьяхъ, маловодностью которыхъ обуславливается и незначительность самыхъ селеній.

Далѣе на З., къ С. отъ хребта Копепеть-дага, и на равнинѣ къ С., по оконечностямъ рѣчекъ, на которыхъ расположились перечисленные деревни, лежитъ много текинскихъ селъ, но никакихъ подробностей объ нихъ невозможно было получить путемъ распросовъ. Рассказываютъ

только, что около деревни Гокъ-тепе, лежащей верстахъ въ 60-ти отъ Эшхабада на С.-З., сгруппировано не менѣе 8.000 семей.

Восточнѣе Эшхабада есть еще два поселенія текинцевъ: Аннау, въ 200 дворовъ, и Гяуарсъ, въ 600 дворовъ, лежащія: первое на оконечности ручья Кельте-чинаръ, выходящаго между оконечностью хребта Копепеть-дага и началомъ хребта Заръ-и-кухъ, который служитъ какъ-бы продолженіемъ Копепеть-дага, и второе—на ручьѣ, бѣгущемъ съ сѣвернаго склона хребта Заръ-и-кухъ.

Такимъ образомъ, въ двадцати двухъ перечисленныхъ деревняхъ насчитывается до 11.000 семействъ, а съ населеніемъ, сгруппированнымъ около Гокъ-тепе, 19.000 семействъ, а такъ какъ въ перечень деревень, здѣсь помѣщенный, не вошла почти половина всѣхъ текинскихъ крѣпостей, то едва-ли не близко къ дѣйствительности будетъ опредѣленіе общей численности населенія въ ахаль-текинскомъ оазисѣ въ 30.000 семействъ. Нѣкоторые считаютъ его болѣе значительнымъ, и именно въ 40 тыс. кибитокъ; тогда какъ другіе, напротивъ, уменьшаютъ эту цифру до 15 тыс. семействъ; но на основаніи приведенныхъ данныхъ,—которыя хотя и распросныя, но представляютъ хоть сколько-нибудь достовѣрныя цифры,—можно положить, что въ Ахаль не менѣе 30 тыс. семействъ или кибитокъ *).

Изъ сдѣланнаго общаго описанія мѣстности, на которой живутъ текинцы Ахала, видно, что всѣ деревни ихъ расположены на ручьяхъ, у сѣвернаго подножія хребта Копепеть-дага, передъ громадною песчаною пустынею, разстилающеюся далеко на сѣверъ. Сухость воздуха въ Средней

*) Бларамбергъ въ своемъ «Статистическомъ обзорѣи Персіи» насчитываетъ ахаль-текинцевъ 25.000 семействъ; свѣдѣнія, собранныя имъ, относятся къ сороковымъ годамъ.

Азии вообще, а въ песчаной пустынѣ, заключенной между Каспійскимъ моремъ и Аму-Дарьей въ особенности, такъ велика, что одно испареніе уничтожаетъ весьма значительныя горныя ручьи. Кромѣ того, усыханіе или обмелѣніе ручьевъ происходитъ и отъ фильтраціи. Въ горахъ Персіи фильтрація такъ велика, какъ нигдѣ, вслѣдствіе того, что горы обнажены отъ лѣсовъ и всякой растительности, и породы, разрушаясь, заваливаютъ долины на значительную толщину обломками, представляющими собою такую рыхлую среду, которая именно способна пропускать сквозь себя воду. Вслѣдствіе этого, всѣ родники и ручьи, не особенно обильные водою, черезъ самое короткое время послѣ своего истока исчезаютъ подъ поверхностью земли, а это явленіе еще болѣе увеличиваетъ сухость воздуха, лишая его влажности, которая-бы могла поступать въ атмосферу, если-бы ручьи продолжали свое теченіе на большемъ протяженіи. Этихъ двухъ естественныхъ причинъ совершенно достаточно для объясненія, почему ахаль-текинскій оазисъ представляетъ только узкую полосу, немного расширяющуюся у Гокъ-тепе и выклинивающуюся у обоихъ концовъ: Кызылъ-Арвата и Гауарса. Ручьи, бѣгущіе съ сѣвернаго склона Копетъ-дага, отъ испаренія и фильтраціи быстро высыхаютъ, и тамъ, гдѣ они обанчиваются, всею мѣстностью завладѣли пески.

Несомнѣнно, что прежде, когда горы Копетъ-дага были одѣты лѣсомъ и Аму-Дарья протекала по своему старому руслу въ Каспійское море, ручьи, если не всѣ, то болѣе обильные изъ нихъ, должны были доходить до Аму-Дарьи, или до р. Герри-руда, которая впадала въ Аму-Дарью сѣвернѣе Ахала; но, съ истребленіемъ лѣсовъ, увеличилась сухость воздуха и уменьшилось количество воды въ ручьяхъ и въ Герри-рудѣ. Последняя рѣка не стала доходить до Узбоя, а ручьи, бѣгущіе съ Копетъ-дага, оста-

новились въ стѣняхъ, которыя тотчасъ были заняты песками; но все-таки, еслибы ручьи не разбирались на орошеніе, то общее протаженіе ихъ увеличилось-бы, а граница оазиса. отодвинулась-бы дальше къ сѣверу. Бездождіе въ средне-азіатскихъ пустыняхъ позволяетъ растительной жизни процвѣтать только тамъ, гдѣ есть орошеніе. Поэтому, съ образованіемъ поселеній въ Ахалѣ, начавшихъ заниматься земледѣліемъ, основаннымъ исключительно на орошеніи, сила ручьевъ еще болѣе уменьшилась и сѣверная граница оазиса, по мѣрѣ усиленія земледѣлія, а, слѣд., и расхода воды на орошеніе, стала подаваться болѣе и болѣе къ югу, т. е. къ подножію хребта Копепеть-дага, и, наконецъ, заняла то самое положеніе, въ которомъ она находится теперь.

По разсказамъ бужнурдскаго и кучанскаго правителей, текинцы заняли Ахалъ 163 года тому назадъ, во времена шаха Тахмаспа, и съ тѣхъ поръ до начала настоящаго столѣтія они ограничивались предѣлами оазиса. Но увеличеніе населенія и невозможность расширить предѣлы оазиса, такъ какъ это зависѣло отъ количества воды, получаемой съ горъ, заставили текинцевъ отыскивать себѣ новыя земли, годныя подъ поселеніе. Было очевидно, что, съ увеличеніемъ населенія на оазисѣ, должно было увеличиться земледѣліе, а, слѣдовательно, и орошеніе. Это повлекло-бы за собою уменьшеніе воды, вслѣдствіе фильтраціи и испаренія; такимъ образомъ, сѣверныя и южныя границы оазиса сблизились-бы еще болѣе. Однимъ словомъ, ограниченное количество воды въ ручьяхъ, текущихъ съ Копепеть-дага, при громадномъ ея испареніи и израсходованіи на орошеніе, само собою устанавливало тотъ предѣлъ населенности Ахала, далѣе котораго идти нельзя было; нужно полагать, что до этого предѣла населеніе Ахала дошло въ срединѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. По-крайней-

мѣръ въ это время значительное число текинцевъ *) поселилось, подъ предводительствомъ Оразъ-хана, на оконечности р. Герри-руда, верстахъ въ восьмидесяти прямо на В. отъ селенія Гяурса, нынѣшняго крайняго восточнаго поселенія въ Ахалъ-теке. Оразъ-ханъ, перебравшись къ Герри-руду, устроилъ на правомъ его берегу укр. Тедженъ или Оразъ-кала, вслѣдствіе чего и вся рѣка Герри-рудъ, отъ укр. Сарахса до своего окончанія, стала называться Тедженъ-дарьєю.

Текинцы всегда были хищниками и грабителями. Покуда они жили въ Ахалѣ, грабежи ихъ обрушивались на сѣверъ Персіи, въ мѣстахъ окраинъ нынѣшнихъ персидскихъ провинцій Дерегеза, Кучана и Буджнурда; но, съ поселеніемъ въ Тедженѣ, они получили возможность распространить районъ своихъ набѣговъ на сѣверо-восточныя провинціи Персіи. Выведенный изъ терпѣнія грабежами текинцевъ, правитель Хорасана, Асифудъ-доуле-Алла-Яръ-ханъ, въ срединѣ сороковыхъ годовъ этого столѣтія напалъ на текинцевъ, поселившихся въ Тедженѣ, и уничтожилъ все ихъ поселеніе. Текинцы опять собрались въ Ахалѣ, но недостатокъ воды и земли сдѣлался невыносимымъ, и тогда тотъ-же Оразъ-ханъ съ другими выборными отъ текинцевъ явились къ правителю Хорасана, Асифудъ-доуле, съ просьбою дозволить имъ поселиться въ Старомъ Сарахсѣ, на правомъ берегу р. Герри-руда, и занять мѣстность вокругъ него. Въ то время пространство около Старога Сарахса, по обѣ стороны рѣки, было свободно отъ населенія, потому что туркмены - салыры, которые жили тамъ, въ 1833 году были за свои грабежи разгромлены Аббасъ-мирзою, сыномъ Фетхъ-Али-шаха, послѣ того какъ онъ усмирилъ возставшаго владѣтеля Кучана. Салыры заплатили 35.000 тумановъ контри-

*) По Бларамбергу, текинцевъ въ Тедженѣ было 10.000 семействъ, — они тогда назывались теке-тедженъ.

буціи и выдали заложниковъ, потерявъ, кромѣ того, множество плѣнныхъ, убитыхъ и раненныхъ во время осады и взятія Сарахса *). Они убѣжали къ урочищу Юлетану, на р. Мургъ-абѣ, а по Герри-рудѣ у Сарахса все сдѣлалось пусто. Асифудъ-доуле, взявъ съ текинцевъ заложниковъ, позволилъ имъ занять мѣстность вокругъ Старога Сарахса. Текинцы сначала жили мирно съ персіянами и обратились для грабежей къ сѣверу, въ Бухару и Хиву, и къ кочевьямъ сарыковъ и салыровъ, своихъ давнишнихъ враговъ. Въ Хивѣ былъ ханомъ тогда знаменитый Магомедъ-Эминъ или, по сокращенному произношенію хивинцевъ, Медэмій-ханъ. Онъ поднялся на текинцевъ, разгромилъ ихъ и посадилъ въ Старомъ Сарахсѣ своего намѣстника съ 500 человекъ войска. Послѣ его возвращенія въ Хиву, текинцы недолго оставались покойными. Они возстали, уничтожили намѣстника хивинскаго хана и весь его отрядъ и опять принялись за прежніе грабежи. Медэмій-ханъ въ 1855 г. вновь собралъ войско и двинулся къ Сарахсу. Здѣсь было нѣсколько стычекъ, окончившихся совершеннымъ пораженіемъ и бѣгствомъ хивинскаго войска; самъ Медэмій-ханъ съ окружавшими его былъ захваченъ на высокомъ курганѣ, лежащемъ у праваго берега р. Герри-руда, съ котораго онъ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Его и всѣхъ бывшихъ на курганѣ текинцы зарѣзали и голову хана отправили къ Фетхъ-Али-шаху въ Тегеранъ, тѣло же было доставлено въ Хиву.

Съ тѣхъ поръ текинцы въ Сарахсѣ сдѣлались еще смѣлѣе и стали грабить не только бухарцевъ, хивинцевъ и сарыковъ, жившихъ въ Мервѣ, но и всѣ провинціи Хорасана, гдѣ въ то время вспыхнуло возстаніе Салара, сына Асифудъ-доуле, сдѣлавшагося по смерти отца правителемъ Хорасана и вздумавшаго отложиться отъ Пер-

*) Бларамбергъ.—«Статистическое обозрѣніе Персіи въ 1853 г.»

сіи. Саларъ, впрочемъ, недолго властвовалъ. Въ 1846 году главный городъ Хорасана, Мешхедъ, былъ взятъ персидскими войсками, а Саларъ казнень. Правителемъ Хорасана былъ поставленъ Фермунъ-Ферма-Феридунъ-мирза, рѣшившійся усмирить туркменъ, не только текинцевъ, но и сарыковъ, занявшихъ Мервъ послѣ того, какъ Шахъ-Мурадъ, эмиръ бухарскій, разоривъ Мервъ въ 1787 г., угналъ въ Бухару все его населеніе вмѣстѣ съ начальникомъ Мерва Байрамъ-Али-ханомъ. Сарыки также постоянно нападали на Хорасанъ, на его восточныя окраины. Поэтому, задавшись мыслію наказать туркменъ, правитель Хорасана Феридунъ-мирза хотѣлъ сразу покончить и съ текинцами въ Старомъ Сарахсѣ, и съ сарыками въ Мервѣ. Походъ окончился счастливо, персіане дошли до Мерва, смирилъ и текинцевъ, и сарыковъ и взявъ отъ тѣхъ и другихъ заложниками по 150 семей. Возвратившись назадъ, Феридунъ-мирза померъ; вмѣсто него правителемъ Хорасана назначень былъ Султанъ-Мурадъ-мирза-Хиссамусъ-Салтанъ. Походъ Феридунъ-мирзы текинцы вскорѣ забыли и принялись опять за прежніе грабежи.

Взбѣшенный неистовствами текинцевъ, Хиссамусъ-Салтанъ рѣшился ихъ уничтожить. Хиссамусъ-Салтанъ, кажется въ 1856 г., съ арміею пришелъ въ Старый Сарахсъ и разнесъ всѣ поселенія тамъ текинцевъ, которые бѣжали въ Мервъ, на Муртъ-абъ. Но тамъ жили сарыки и между ними завязалась война. Текинцы хотѣли выгнать сарыковъ. Такъ какъ послѣдніе были въ меньшинствѣ, то они обратились съ просьбою о помощи къ Хиссамусъ-Салтану, въ то время только что вернувшемуся изъ-подъ Герата, который онъ осадилъ и взялъ въ 1857 году. Желая пособить сарыкамъ, онъ собралъ значительныя силы: 18 фоджей (баталіоновъ) пѣхоты и отъ 7 до 8-ми тысячъ кавалеріи. Съ этими силами Хиссамусъ-Салтанъ двинулся осенью въ Мервъ. Сначала текинцы ста-

рались не допустить персидскую армию соединиться съ сарыками; но послѣ многихъ стычекъ они были принуждены уступить, и когда персіане соединились съ сарыками, то текинцы признали себя побѣжденными и явились съ повинною. Хиссамусъ-Салтанъ, соблазненный ихъ раскаяніемъ и, главное, подарками, которые текинцы сдѣлали ему и его приближеннымъ, удалися изъ Мерва послѣ трехмѣсячнаго въ немъ пребыванія, не взявъ даже заложниковъ. И вотъ съ этой минуты завязалась борьба между текинцами Мерва и сарыками за обладаніе Мервомъ и низовьями р. Мургъ-аба. Побѣждены были сарыки, ушедшіе вверхъ по теченію р. Мургъ-аба, къ урочищамъ Юлетану и Панджъ-дехъ, вытѣснивъ, въ свою очередь, изъ перваго изъ этихъ урочищъ салыровъ, которые перебрались, съ разрѣшенія персидскаго правительства, къ развалинамъ города Зуръ-абада, лежащимъ на лѣвомъ берегу р. Герри-руда, въ 120-ти верстахъ южнѣ Саракса. Съ тѣхъ поръ текинцы въ Мервѣ сдѣлались полными хозяевами всѣхъ земель на оконечности рѣки. Выше Мерва, верстъ на 25, они построили плотину и изъ-за нея вывели каналы, которыми орошаютъ все пространство, необходимое для ихъ земледѣльческихъ работъ. Набѣги ихъ и грабительства сдѣлались еще болѣе смѣлыми и ужасными для сѣверо-восточныхъ провинцій Хорасана и сѣверныхъ окраинъ Авганистана. Они даже иногда спускаются въ Каинскій округъ, верстъ на 600 на югъ отъ Мешхеда, или почти на 1.000 верстъ отъ своихъ жилищъ. Все это заставило персидское правительство еще разъ двинуться на Мервъ, съ цѣлью разорить его окончательно. Предварительно въ 1860 г. было устроено укрѣпленіе на лѣвомъ берегу р. Герри-руда противъ Старого Саракса, названное Новымъ Сараксомъ, и въ 1861 году двинулось, черезъ Сараксъ, къ Мерву персидское войско, въ составѣ 12.000 человекъ пѣхоты и около 10.000 кавалеріи, съ 33-мя орудіями. Персіане

были увѣрены въ побѣдѣ и, не смотря на то, что текинцы соглашались отдать 1.000 семей заложниковъ и выставить 1.000 конныхъ на службу и, кромѣ того, выплатить по одному мискалю (золотнику) золота (около 4 руб. 50 коп.) со двора, главнокомандующій Хамзе-мирза-Хышметудъ-доуле съ своимъ начальникомъ штаба, Мирза-Мамедъ-Кавамудъ-доуле-Аштіани, отказались отъ этихъ предложеній, положивъ окончательно уничтожить текинцевъ. Послѣднимъ оставалось только защищаться; послѣ многихъ стычекъ, кончившихся въ пользу текинцевъ, персіане начали обратное движеніе изъ Мерва. Въ первый-же день они были разбиты окончательно текинцами. Все, что могло убѣжать, бросилось бѣжать; но много было убитыхъ, а пѣхота и вся артиллерія досталась въ руки текинцевъ. Плѣнныхъ набралось столько, что текинцы не знали, куда ихъ дѣвать, и хотя въ Хивѣ и Бухарѣ былъ готовый рынокъ для сбыта плѣнныхъ, но ихъ изобиліе понизило цѣны такъ, что одинъ человѣкъ продавался за 25 кронъ (по номинальной цѣнѣ 7 р. 50 коп., а по теперешнему курсу 10 рублей). Послѣ этого погрома, персіане окончательно оставили мысль дѣйствовать противъ текинцевъ Мерва и ограничились только охраненіемъ своихъ провинцій отъ ихъ набѣговъ. Текинцы-же послѣ такого успѣха сдѣлались совсѣмъ независимыми. До пораженія хивинцевъ и персіанъ они признавали себя и хивинскими и персидскими подданными, смотря потому, откуда шла гроза; но погромъ двухъ армій доставилъ имъ полную независимость. Съ этихъ поръ грабежи ихъ сдѣлались еще болѣе жестокими и выразились страшнымъ разореніемъ всего сѣверо-восточнаго Хорасана и угономъ въ плѣнъ, восемь лѣтъ тому назадъ, 2.000 семей салыровъ, жившихъ у Зуръ-абада. Они напали на нихъ въ располхъ, захватили всѣ стада и многія семьи и предложили остальнымъ слѣдовать за ними и получить захваченное обратно, въ противномъ случаѣ,

последніе лишались всего. Салыры согласились на предложение и последовали въ Мервѣ, гдѣ текинцы расселили ихъ между всѣми своими родами незначительными группами въ 10—20 семей.

Такимъ образомъ, недостатокъ земель, годныхъ для орошенія или, вѣрнѣе, недостатокъ воды въ Ахалѣ, заставивъ часть населенія послѣдняго выселиться оттуда, привелъ къ тому, что текинцы черезъ тридцать лѣтъ сдѣлались владѣтелями земель, находящихся на оконечности р. Мургъ-аба, послѣ оттѣсненія мало-по-малу всѣхъ своихъ соперниковъ и уничтоженія двухъ армій, вышедшихъ для ихъ наказанія.

Численность текинцевъ въ Мервѣ, по распроснымъ свѣдѣніямъ, весьма почтенна, а именно она доходитъ до 50.000 кибитокъ или до 250.000 лицъ обоого пола. Цифра эта добыта на основаніи слѣдующихъ данныхъ, заслуживающихъ большого вѣроятія. Для орошенія своихъ земель, текинцы устроили на р. Мургъ-абѣ или, какъ ее называютъ туркмены, Марвѣ-дарѣ, плотину и, поднявъ такимъ образомъ всю воду на значительную высоту, пустили ее въ 24 канала. Текинцы расположились поровну на обѣихъ сторонахъ рѣки и поровну-же вывели изъ-за плотины каналы, такъ что и вода рѣки дѣлится на двѣ равныя половины для обоеихъ береговъ. Ежегодно каналы и въ особенности плотина требуютъ исправленія и очистки. Каждый каналъ исправляется только тѣми, кому онъ принадлежитъ или, выражаясь точнѣе, для поливки чьихъ земель онъ служитъ; но плотина обязательно исправляется всѣми. На исправленіе плотины высылаются отъ каждыхъ 24-хъ семей одинъ рабочій; вообще выходитъ на работы къ плотинѣ слишкомъ 2.000 рабочихъ (1.000 отъ сидящихъ на правой сторонѣ рѣки родовъ отдѣленія тохтамышъ и 1.000 отъ сидящихъ по лѣвой сторонѣ родовъ отдѣленія отамышъ). По этому

расчету въ мервскомъ оазисѣ населеніе составляетъ $24 \times 2.000 = 48.000$ семей. Какъ произошло такое быстрое приращеніе населенія у текинцевъ Мерва, которыхъ въ тридцатыхъ годахъ, когда они жили на Тедженѣ, насчитывалось всего до 10.000 семей, точно объяснить нельзя; но можно предполагать, что это произошло, во-первыхъ, отъ простого приращенія населенія въ теченіи около 50-ти лѣтъ; во-вторыхъ, отъ присоединенія новыхъ переселенцевъ изъ Ахала, гдѣ отъ прироста постоянно образовывался избытокъ населенія; въ-третьихъ, отъ постоянныхъ захватовъ плѣнныхъ и обращенія ихъ и ихъ дѣтей въ жителей оазиса; въ-четвертыхъ, отъ присоединенія, восемь лѣтъ тому назадъ, 2.000 семей салпировъ. Наконецъ, можно сомнѣваться въ достовѣрности цифры въ 10.000 душъ, которою опредѣлялось тридцать лѣтъ тому назадъ число текинцевъ, жившихъ на Тедженѣ, и которая могла быть больше. Но такъ или иначе, а за число 48.000 избытокъ или семей говорятъ распросныя свѣдѣнія и данныя, основанныя на количествѣ рабочихъ, ежегодно высылаемыхъ на плотину.

Изъ сдѣланнаго описанія видно, что текинцы Ахала и Мерва есть одно и то-же туркменское племя, занявшее два оазиса по неотразимой силѣ мѣстныхъ условій. Текинцы, какъ и всѣ прочіе туркмены, дѣлятся на отдѣленія, колѣна и роды. Во-первыхъ, все племя раздѣляется на два большія отдѣленія: тохтамышъ и отамышъ.

Первое изъ нихъ, т. е. тохтамышъ дѣлится еще на два большія колѣна: бекъ и векиль, а эти послѣднія, въ свою очередь, на роды.

Колѣно бекъ имѣетъ четыре рода: гёкче, аманъ-шахъ, харъ и конгуръ, которые имѣютъ еще слѣдующія подраздѣленія:

Гёкче: яры-гёкче, кара-гёкче, таймасъ и мѣджекъ.

Аманъ-шахъ: кауку, зеренгъ и агыръ-башъ.

Харъ: собственно-харъ и якубъ.

Конгуръ: кара-конгуръ и актъ-конгуръ.

Колѣно векиль раздѣляется на два главные рода: актъ-векиль и кара-векиль, которые имѣютъ слѣдующія подраздѣленія:

Актъ-векиль: чашхынъ, кара-юсупъ, язы, канджигъ, кара-юрмэ и харунъ.

Кара-векиль: арыкъ, караджа, халиль, кара, букри и какшаль.

Отдѣленіе отамышъ раздѣляется на два колѣна: сычмезъ и бахши, которыя дѣлятся, въ свою очередь, на слѣдующіе роды:

Сычмезъ на: учърукъ, пэрренгъ, кара-ахмедъ, топузъ, эбэ и миришъ.

Бахши на: ванэшъ, зейкиръ, гёкъ, султанъ-азизъ и борхозъ.

Эти дѣленія общи какъ для Ахала, такъ и для Мерва, потому что на обоихъ оазисахъ живутъ части однихъ и тѣхъ-же родовъ и даже родные братья.

Въ прежнее время Мервъ былъ цвѣтущею колоніею съ значительнымъ въ ея центрѣ городомъ, основаніе котораго приписываютъ Александру Македонскому. Въ послѣдствіи Мервъ находился подъ владычествомъ персіянъ; но, послѣ увода въ Бухару всего населенія Мерва въ концѣ прошлаго столѣтія, оазисъ оставался незанятымъ до начала нынѣшняго столѣтія, когда туда перебрались туркмены сарыки, принужденные уступить его текинцамъ.

Положеніе Мерва на оконечности полноводной рѣки, въ климатѣ, позволяющемъ весьма широкую культуру, и въ особенности среди степей, тянущихся кругомъ него на сотни верстъ, дѣлаетъ его особенно пріятнымъ для всякаго путешественника, изнуреннаго переходами по песчанымъ

пустынямъ въ теченіи многихъ дней. Вотъ, какъ описываетъ красоты Мерва англичанинъ Борисъ, проведенный въ путешествіяхъ по Средней Азій 1830, 1831 и 1832 годы и бывший на мервскомъ оазисѣ.

„Посреди безплодныхъ земель туркменъ, между Бухарою и Персіею, лежитъ, когда-то плодоносная, страна Мерва, главный городъ которой, какъ увѣряютъ, построенъ Александромъ. Столица эта лучше извѣстна европейцамъ по знаменитой надгробной надписи одного изъ ея государей, часто упоминаемой въ правоописательныхъ сочиненіяхъ и состоящей въ слѣдующемъ: ты былъ свидѣтелемъ величія Алпъ-Арслана, вознесеннаго даже до небесъ; сходи въ Мервъ и посмотри на него, погребеннаго во прахѣ. Исторія этого мѣста покрыта мракомъ; но оно и доселѣ называется *Мервъ-шахъ-и-джанъ*, т. е. Мервъ царь всего міра. Туземцы и по сію пору указываютъ на развалины *Мервъ и Макана*, какъ на городъ, построенный греками. Впрочемъ, имъ лучше извѣстны дѣянія султана Санджара, который царствовалъ около восьмисотъ лѣтъ тому назадъ и гробница котораго донныя существуетъ. Мервъ долгое время находился въ зависимости отъ Персидской имперіи; близъ него Исмаиль-Сефи, шахъ Персіи, разбилъ основателя узбековъ, Шейбанъ-хана, въ 1570 году по Р. Х. Подъ владычествомъ персіянъ Мервъ сдѣлался страной цвѣтущею и богатою, ибо воды его рѣки, до того времени терявшіяся въ пустыняхъ, начали скоплять благоразумнымъ устройствомъ плотинъ и разводить посредствомъ каналовъ по всему краю. Слѣдствіемъ этого было плодородіе почвы и благоденствіе жителей. „Отъ одного маунда пожни сто“—сдѣлалось у нихъ поговоркою, свидѣтельствовавшею о плодородіи земли и благосостояніи народа. Въ одной персидской поэмѣ есть мѣсто, въ которомъ сказано: правобѣрные, собирайтесь радостно читать свои послѣполоуденныя молитвы въ сухомъ

и благодатномъ климатѣ Мерва *). Здѣсь поля, засѣянные пшеницею, представляютъ удивительное явленіе, именно то, что три жатвы собираются съ одного посѣва, также какъ упомянуто при описаніи округовъ Андо и Меймана. Такое было счастливое состояніе Мерва подъ правленіемъ знаменитаго государя его Байрамъ-хана, побѣжденнаго въ 1787 году Шахъ-Мурадомъ Бухарскимъ. Этотъ послѣдній разрушилъ всѣ укрѣпленія и каналы и силою увелъ большую часть жителей въ свою столицу, гдѣ они и понынѣ живутъ отдѣльною общиною. Позднѣе остатки его жителей выселены въ Персію и эта цвѣтущая страна, представлявшая столь прекрасную противоположность съ остальною Турменіею, теперь раздѣляетъ ея бесплодіе, между тѣмъ какъ турменскія орды похитили мѣсто, въ которомъ когда-то жило осыдлое народонаселеніе. Съ развалинъ мервскаго замка путешественникъ и теперь можетъ видѣть остатки прежней населенности на разстояніи тридцати миль въ окружности, гдѣ повсюду стоятъ опустошенныя села и распадающіяся стѣны. Тамъ теперь обрабатываются поля только по берегамъ Мургаба, гдѣ турмены воздѣлываютъ прекрасную пшеницу, джугару и превосходныя дыни“.

То, что видѣлъ Борнсъ, почти не измѣнилось, хотя теперь уже въ Мервѣ заведены сады и говорятъ, что тамъ есть не менѣе тысячи хозяевъ, занимающихся садоводствомъ. Во всякомъ случаѣ, мервскій оазисъ нельзя считать такимъ благословеннымъ уголкомъ, какъ объ немъ трактуетъ Борнсъ. Положеніе его между песчаными пустынями въ срединѣ громаднаго азіатскаго материка дѣлаетъ его климатъ лѣтомъ невыносимымъ. Малѣйшій вѣтеръ поднимаетъ цѣлыя массы мелкаго песку и пыли, которыя наполняютъ воздухъ и дѣ-

*) Послѣдующія строки поэмы описываютъ Герать, какъ мѣсто для вечерней молитвы, Багдадъ—для молитвъ въ часы ночи, а Нишапуръ—для молитвъ при восходѣ солнца.

лаютъ его какимъ-то желтоватымъ, непрозрачнымъ. Даже ежедневная вибрація воздуха, весьма сильная тамъ, вслѣдствіе значительной неравномѣрности температуры дня и ночи, увлекаетъ кверху столько мельчайшей пыли, что предметы дѣлаются неясными на весьма близкомъ разстояніи. Даже для туркменъ, цѣлыя поколѣнія которыхъ выросли въ степи, Мервъ не представлялъ и не представляетъ, по видимому, особой привлекательности, такъ какъ они постоянно искали случаевъ поселиться на 180 верстъ южнѣе, у Саракса, на берегу р. Герри-руда, близъ предгорій Эльбурскаго и Паропамизскаго хребтовъ.

Въ настоящее время въ Мервѣ для текинцевъ начинается тяжелая жизнь, не потому, чтобы не доставало земли или воды, а потому, что скотоводство ихъ начинаетъ уменьшаться. Причиной этому какая-то внутренняя болѣзнь у овецъ, сгубившая уже всѣ стада и появившіяся въ послѣдніе годы мухи, уничтожающія верблюдовъ. Извѣстно, что верблюдъ весьма нѣжное животное; морозовъ, напр., сильныхъ онъ совершенно не переноситъ и зимою верблюды покрыты попонами. Точно также верблюды не выносятъ и мухъ; верблюдъ бѣжитъ отъ нихъ покуда въ силахъ, а затѣмъ падаетъ и издыхаетъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ у мервскихъ текинцевъ были большія стада овецъ и много хозяевъ имѣло по сотнѣ верблюдовъ, а теперь овецъ почти нѣтъ, а люди, владѣющіе сотнею верблюдовъ, всѣ на перечетѣ. Между тѣмъ земля въ Мервѣ весьма плодородна и текинцы никогда въ обыкновенные годы не покупаютъ хлѣба, а довольствуются своимъ. Неурожаи, тѣмъ не менѣе, бываютъ вслѣдствіе недостатка воды въ рѣкѣ въ тѣ годы, когда дождей или снѣговъ въ Паропамизскомъ хребтѣ, откуда беретъ начало р. Мургабъ, не бываетъ вовсе или бываетъ очень мало. Большой неурожай, повлекшій за собою и голодъ въ Мервѣ, былъ восемь лѣтъ тому назадъ, когда одинъ текин-

скій батманъ пшеницы, равный $6\frac{1}{2}$ батманамъ хорасанскимъ (около 47 фунтовъ), стоилъ 20 тэнгэ или 14 крановъ (около 4-хъ руб. 20 коп.). Затѣмъ, два года тому назадъ въ Мервѣ также не было урожая, и батманъ пшеницы продавался за 8 тэнгэ или $5\frac{1}{2}$ крановъ (около 1 р. 65 к.). Наконецъ, въ прошломъ году изобиліе воды въ Мургабѣ чуть не повлекло за собою неурожай: плотину на рѣкѣ снесло и каналы оросительные могли остаться безъ воды, еслибы рѣка устремилась куда-нибудь въ сторону, оставивъ выходы каналовъ на сушѣ. Цѣна на пшеницу поднялась было уже до 5 тэнгэ или $3\frac{1}{2}$ крановъ (около 1 р. 20 к.) за батманъ; но потомъ опять упала, такъ какъ удалось устроить орошеніе, и въ осени цѣны вошли въ обыкновенную норму—по $1\frac{1}{2}$ тэнгэ или по одному крану (около 40 коп.) за батманъ текинскій, въ 47 фунтовъ.

Въ Ахалѣ, также какъ и въ Мервѣ, бываютъ неурожай и даже положительный голодъ вслѣдствіе весенняго бездождя и безснѣжныхъ зимъ; за ними слѣдуетъ всегда обмелѣніе ручьевъ и рѣчекъ, питающихъ оазисъ. Но населеніе здѣсь болѣе осыдлое, чѣмъ въ Мервѣ, вслѣдствіе полуторастолѣтней давности житія на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Всѣ деревни или крѣпости Ахала въ садахъ, которые тянутся большими и широкими полосами на значительное разстояніе. Тѣмъ не менѣе, ограниченное количество воды, вмѣстѣ съ неумѣніемъ правильно ее расходовать, дѣлаютъ необходимымъ для ахалъ-текинцевъ выселеніе оттуда въ другія мѣстности, еще незаселенныя. Разъ такое выселеніе, въ значительномъ числѣ семей, уже состоялось и теперь скоро, вѣроятно, должно послѣдовать и второе выселеніе, если только естественное приращеніе населенія въ Ахалѣ, за послѣднія 50 лѣтъ, не было уравновѣшено болѣзнями, голодомъ или непріятельскими нашествіями..

На Ю.-В. отъ Мерва, вверхъ по теченію р. Мурга-

аба, кочуютъ туркмены-сарыки; они занимають двѣ мѣстности на этой рѣкѣ. Первая мѣстность — Панджъ-дехъ („пять деревень“) — у подножій отроговъ Паропамизскаго хребта, дающихъ начало значительной рѣкѣ Кара-тепе, которая соединяется съ Мургъ-абомъ въ окрестностяхъ урочища Панджъ-дехъ, а вторая — Юлетанъ, верстъ на 100 ниже по теченію рѣки. Сарыки удалились сюда изъ Мерва послѣ того, какъ туда пришли текинцы; но въ 1830 году, когда тамъ путешествовалъ Борнсъ, и двадцать лѣтъ позднѣе они еще владѣли Мервомъ. Теперь они въ Юлетанѣ заняли мѣста, населенныя до нихъ салырами, а въ уроч. Панджъ-дехъ овладѣли землями, принадлежавшими авганскимъ кочевымъ племенамъ: джемшиди и теймури. Сарыки заставили ихъ удалиться, и теперь между р. Герри-рудомъ и притокомъ Мургъ-аба, рѣчкою Кара-тепе, по сѣверному склону Паропамизскаго хребта, нѣтъ никакихъ поселеній, подвластныхъ авганскому эмиру. Такія поселенія, принадлежащія джемшидамъ, начинаются только на южномъ склонѣ Паропамизскаго хребта, хотя пастухи джемшидскіе со стадами овецъ переходятъ лѣтомъ на сѣверный склонъ горъ, въ верховья р. Кара-тепе, гдѣ и пасутъ свои стада рядомъ со стадами сарыковъ, приходящихъ сюда также для пастбы изъ урочища Панджъ-дехъ.

Сарыки дѣлятся на пять главныхъ отдѣленій: херзеги, харасанлы, аляша, сухты и байрачь. Каждое изъ этихъ отдѣленій дѣлится на слѣдующіе колѣна или роды.

Херзеги на: союналы, кулджа, хаджалы, кизель, бедень и канлы-башъ.

Харасанлы на: казанджи и маматай.

Аляша на: устелеть и аннышъ.

Сухты на: дагди-кулы и эрденъ.

Байрачь на: джаны-бекъ, эрки, гурама и сыддыхъ.

Всѣ эти колѣна живутъ и въ Юлетанѣ и въ уроч. Панджъ-дехъ. Общая численность всѣхъ сарыковъ опредѣ-

живется въ 12.000 семей, одна половина которыхъ живетъ въ Юлетанѣ, а другая въ ур. Панджъ-дехъ. Эту численность своего племени признають за достовѣрную сами сарыки, основывая свои выводы на слѣдующихъ данныхъ: сарыки занимаются земледѣліемъ также, какъ и всѣ остальные туркменскія племена, на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ и съ тѣми-же самыми приемами по воздѣлыванію земли и ея орошенію. На рѣкѣ Мурга-абѣ, у Юлетана, и въ урочищѣ Панджъ-дехъ сдѣланы плотины, поднятая которыми вода направляется въ большіе каналы. Въ Юлетанѣ и въ ур. Панджъ-дехъ такихъ каналовъ по восемнадцати. Изъ большихъ каналовъ вода разводится въ малые, носящіе названіе пейкаловъ оттого, что каждый такой каналъ (пейкаль) служитъ для двѣнадцати семей, берущихъ изъ него для орошенія по отдѣльной струѣ. Иногда одна струя служитъ для двухъ семействъ, но въ большинствѣ случаевъ каждой струей пользуется одна семья, такъ что можно считать на каждомъ маломъ каналѣ или пейкалѣ по 12-ти семей. Изъ большихъ каналовъ выходятъ 28 или 30 малыхъ каналовъ или пейкаловъ; стало-быть, изъ каждаго большого канала получаютъ воду 336 или 360 семей, а такъ какъ и въ Юлетанѣ и въ ур. Панджъ-дехъ по 18-ти большихъ каналовъ, то, значить, и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ живетъ отъ 6.048-ми до 6.480-ти семей сарыковъ, а вообще отъ 12-ти до 13-ти тысячъ семей.

Сарыки, живущіе въ Юлетанѣ, поддерживаютъ мирныя сношенія съ текинцами Мерва по-неволѣ, такъ какъ, живя невдалекѣ отъ нихъ, въ разстояніи не болѣе 50-ти или 60-ти верстъ, они могли-бы быть подавлены численнымъ превосходствомъ текинцевъ Мерва. Несмотря на это, между обоими племенами существуетъ искони вражда, и въ случаѣ какого-либо несчастія съ текинцами, сарыки Юлетана не выдержатъ, чтобы не принять участія въ нанесеніи имъ powerful вреда. Сарыки-же изъ ур. Панджъ-дехъ состоятъ въ

открытой враждѣ съ текинцами, и хотя столкновений болѣе-
ми скопищами между обоими племенами не бываетъ, но
мелкіе грабежи и хищничества никогда обѣими сторонами
не прекращаются.

Сарыки, тѣмъ не менѣе, живутъ, благодаря развитію
у нихъ скотоводства, богато. Ихъ овцы принадлежатъ къ
особой породѣ, отличающейся отъ другихъ средне-азіатскихъ
породъ овецъ своею величиною. Овцы сарыковъ, по видѣн-
нымъ въ Хорасанѣ экземплярамъ, едва-ли не больше на-
шихъ киргизскихъ, калмыцкихъ и волюцкихъ. Кромѣ овецъ,
у нихъ не мало верблюдовъ; весь этотъ скотъ пасется на
сѣверныхъ склонахъ Паропамизскаго хребта, по р. Каратепе.
Но въ позапрошломъ (1877) году сарыки изъ ур. Панджъ-
дахъ потеряли 105.000 овецъ во время набѣга, учиненнаго
на ихъ земли персіянами въ наказаніе за грабежъ, сдѣлан-
ный весною того года сарыками въ округѣ Турбетъ-и-
Шейхъ-и-Джамъ, изъ котораго они угнали не менѣе 30.000
овецъ и много плѣнныхъ *).

*) Набѣгъ персіяне произвели по приказанію шаха, переданному по
телеграфу. Шахъ имѣетъ въ своемъ дворцѣ телеграфный аппаратъ. Предва-
рительно шахъ передалъ телеграфисту, что если о передаваемомъ кто-
нибудь узнаетъ, то ему, телеграфисту, будетъ немедленно отрублена голова.
Шахъ, зная подлость своихъ подданныхъ вообще и чиновничества въ особен-
ности, предупреждалъ сообщеніе этого распоряженія сарыкамъ. Шаху извѣ-
стно, что за такое предостереженіе сарыки заплатили-бы хорошо и потому,
угрожая смертью телеграфистамъ въ Мешхедѣ, которые вообще въ Персіи
не стѣсняются продавать самыя важныя дѣлши, обезпечить за набѣгомъ
тайну, безъ которой набѣгъ не привелъ-бы ни къ чему. Въслѣдствіе страха
лишиться головы, и всѣ главныя власти Хорасана держали языкъ на прива-
зи. Черезъ мѣсяцъ въ городѣ Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ собрались два
соуджа (баталіона) пѣхоты и до 2.000 кавалеріи, подъ начальствомъ Миръ-
Панджа. Куда идти эти войска, никто не зналъ до послѣдней минуты и са-
мое мѣсто сбора служило маскою для цѣли движенія, такъ какъ мудрено бы-
ло предполагать, что оттуда бросятся по направленію къ уроч. Панджъ-дахъ.
Войска выступили въ походъ всѣ одновременно, но на второмъ переходѣ
кавалерія пошла впередъ, такъ какъ она-то и должна была произвести на-
бѣгъ, а пѣхота обязана была прикрывать возвращеніе назадъ. По перебра-

у сарыковъ остались все-таки обширныя стада, и такъ какъ ихъ стада пасутся въ привольныхъ мѣстахъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ потеря будетъ пополнена.

Послѣднее изъ племенъ туркменскихъ, обитающихъ близъ сѣверныхъ границъ Персiи, это—с а л ы р ы, потерявшiе свою свободу и независимость восемь лѣтъ тому назадъ. Въ тридца-

въ черезъ р. Герри-рудъ, пѣхота дошла до урочища Гульранъ, сдѣлавъ 70 или 80 верстъ безъ воды. На урочищѣ Гульранъ есть обильный водою ручей, отъ котораго до окраины сарыкскихъ кочевьевъ также верстъ 60 или 70. Кавалерiя сдѣлала переходъ съ Герри-руда въ крайнiя кочевья сарыковъ на р. Кара-тепе въ двое сутокъ и, раздѣлившись на двѣ колонны, захватила множество стадъ овецъ и шѣпными болѣе ста человекъ пастуховъ. Далѣе, къ центру сарыкскихъ кочевьевъ, персiяне боялись идти, а то-бы они могли захватить еще большее число овецъ и громадное количество верблюдовъ. Но они такъ трусили, что, захвативъ все что нашли въ крайнихъ кочевьяхъ, сейчасъ-же пустились въ обратный путь, гоня овецъ всей массой въ сотню тысячъ однимъ стадомъ. Вслѣдствiе этого, много овецъ, потоптанныхъ однѣ другими, подошло, немалое количество истребили сами всадники, бросившіеся на добычу, какъ волки, и хотѣвшiе мясо и въ особенности сало привезти домой. Всѣ ихъ сумы за сѣдлами были наполнены саломъ овецъ, курдюки которыхъ они отрѣзывали, а овецъ бросали. Но они не разочли, что въ августѣ мѣсяцѣ жары не дадутъ пролежать мясу или салу одного дня, и когда пришли на Герри-рудъ, то всѣ опорожнили по необходимости свои сумки отъ сала, издававшего нестерпимое зловонiе. Кромѣ того, кавалерiя, отогнавъ захваченныхъ овецъ верстъ на 40 отъ мѣстъ захвата, расположилась на отдыхъ въ безводномъ мѣстѣ и тутъ принялась жарить мясо, такъ какъ, за неимѣнiемъ воды, нельзя было варить баранину. Многiе такъ объѣлись, что стали страдать отъ безводiя и стоявшимъ въ 30-ти верстахъ оттуда сарбазамъ пришлось на своихъ ослахъ привезти для кавалерiи воды, а то иначе многiе изъ кавалеристовъ умерли-бы отъ жажды. Съ приходомъ къ рѣчкѣ Гульранъ (по-туркменски «Гурлянъ»), начальство распорядилось овецъ подѣлить на стада въ 1.000 или около того головъ и назначить гнать овецъ сарбазовъ, а не кавалеристовъ. За всѣми потерями, къ р. Герри-рудъ пригнали 65.000 головъ. Изъ этого числа правитель Хорасана совершенно понапрасну получилъ 10.000, Миръ-Панджъ—6.000, его братъ, начальствовавшiй однимъ изъ «оуджей»—2.000, начальники кавалерiйскихъ частей тоже по одной, по двѣ и по три тысячи головъ, а сарбазы и кавалеристы, кажется, всего по 2 или по три штуки, которыя вовсе не дошли до нихъ, оставшись въ рукахъ у тѣхъ, которые и безъ того получили свои части. Сарбазы и кавалерiя тѣмъ и пользовались, что порѣзали и сѣкли во время обратнаго движенiя. Казалось-бы, слѣдовало дать хотя часть овецъ жителямъ округа Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ, взаменъ угнанныхъ у нихъ овецъ; но объ этомъ никто и не подумалъ.

тѣхъ годахъ нынѣшняго столѣтія они жили на Герри-рудѣ, въ Старомъ Сарахсѣ; но за отчаянные грабежи, которые они производили въ Хорасанѣ, ихъ жилище уничтожилъ Аббасъ-мирза въ 1833 году. Они бѣжали на Мургъ-абъ, а оттуда, двадцать лѣтъ тому назадъ, съ дозволенія персидскихъ властей, переехали въ Зуръ-абаду, гдѣ прожили спокойно 12 лѣтъ. Почему-то имъ не понравилось житье у Зуръ-абады, и они, опять - таки съ разрѣшенія персидскихъ властей, перекочевали съ стадами къ своему прежнему жилищу въ Старомъ Сарахсѣ. Не успѣли они прожить здѣсь двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ въ одну ночь налетѣло на нихъ большое скопище текинцевъ Мерва, которые угнали весь ихъ скотъ; за нимъ послѣдовали и его хозяева—салыры. Персидскій гарнизонъ въ укрѣпленіи Новомъ Сарахсѣ не успѣлъ опомниться, какъ все дѣло было сдѣлано текинцами. Оставалось пуститься въ преслѣдованіе; но на такой подвигъ персіяне не думали рѣшиться, и потому текинцы преспокойно могли удалиться, не будучи вовсе тревожимы. Салыры считаютъ теперь свою численность въ 6.000 семей, полагая, что въ каждомъ изъ трехъ родовъ: кипчагы, дазарду-ходжа и караманъ - ялавачъ, на которые раздѣляется племя, до 2.000 семей. Но такой счетъ преувеличенъ. Послѣ погрома, нанесеннаго имъ въ Сарахсѣ Аббасъ-мирзой, когда много ихъ было уничтожено и забрано въ плѣнъ, салыры уже не могли оправиться и теперь ихъ въ Мервѣ едва-ли есть болѣе 3.000 семей.

III.

Общественный бытъ туркменъ.—Характеръ ихъ.—Страсть къ хищничеству и грабежамъ.—Условия, способствовавшія развитію этой страсти.—Жестокость нравовъ.

Туркмены всѣхъ племенъ, какое-бы мы ни взяли, живутъ совершенно одинаково. Никакой власти между ними не существуетъ. Каждый туркменъ совершенно независимъ. Единственно, что они уважаютъ—это силу и адатъ, т. е. обычай; но сами они, подчиняясь обычаю, дѣйствуютъ исключительно въ своихъ, а не въ общихъ интересахъ. Поэтому всѣ племена туркменскія враги между собою: юмуды враги текинцамъ, текинцы враги сарыкамъ, салырамъ и говланамъ, и даже часто между близко-родственными отдѣленіями одного и того-же племени нѣтъ согласія, какъ, напр., между джафарбаевцами и атабаевцами, живущими рядомъ близъ береговъ Каспійскаго моря. Самый адатъ—обычай—выработалъ правила только для отношеній родителей къ дѣтамъ, далѣе, для браковъ, похоронъ, празднествъ по разнымъ случаямъ, отправленія въ набѣгъ, дѣлежа добычи и т. п., т. е. тамъ, гдѣ больше участвуетъ личный или семейный интересъ; но для общаго нѣтъ ничего установленнаго, кромѣ только правилъ объ исправленіи оросительныхъ каналовъ и пользованія водою, да и тутъ все ограничивается тѣмъ, что, кто присматриваетъ рабочихъ на проведеніе новой или очистку существующей уже канавы, тотъ и пользуется равнымъ съ остальными количествомъ воды. Подобное состояніе есть слѣдствіе полукочевой жизни туркменъ и простора степей, позволяющихъ бросать одно мѣсто и направляться въ другое, когда на первомъ дѣлается стѣснительно жить, вслѣдствіе увеличенія населенія или установленія правилъ, которыя

почему-бы то ни было не нравились другимъ, служа ограниченіемъ той безграничной свободы, лучшимъ выраженіемъ которой служить хвастливая поговорка самихъ туркменъ, что „настоящіе туркмены не нуждаются ни въ тѣни деревъ, ни въ сѣни власти.“

Но такъ или иначе, а жизнь большими обществами, хотя и разрозненными, указала на необходимость блюсти общественные интересы хотя-бы въ такихъ дѣлахъ, какъ пользованіе водою и землею, ею орошаемою, и вотъ они избираютъ изъ своей среды аскакаловъ и хановъ, называемыхъ у хивинскихъ и сосѣднихъ съ Персіею туркменъ кятхуда; но ханы эти въ дѣйствительности никакою властію не пользуются. Они не могутъ заставить кого-бы то ни было исполнить не только какое-либо распоряженіе, вызванное необходимостью, но и общественное постановленіе, еслибы такое состоялось. Нѣкоторые, впрочемъ, изъ хановъ пользуются значительнымъ вліяніемъ, по случаю котораго они могутъ устроить ту или другую сдѣлку, или то или другое предпріятіе; но вліяніе не власть, и человекъ, пользуясь самымъ громаднымъ вліяніемъ, все-таки можетъ не быть въ состояніи принудить самаго незначительнаго члена общества въ исполненію какой-либо мѣры.

Туркмены всѣ сунниты, но мулла между ними очень мало, и вообще они духовнымъ лицамъ, появляющимся между ними со стороны, или изъ своей-же среды, не придаютъ большого значенія; но если мулла оказался умнымъ, умѣющимъ говорить и находчивымъ человекомъ, то иногда дѣлается весьма вліятельнымъ, пріобрѣтая титулъ ишана, какъ-бы избранника Божія, или излюбленнаго Богомъ человека, которому все удается. Но опять-таки не всякое дѣло требуетъ участія ишана и нужно много такта съ его стороны, чтобы знать, гдѣ употреблять свое вліяніе и гдѣ воздерживаться отъ вмѣшательства, такъ какъ принятіе участія во

всякихъ дѣлахъ безъ разбора можетъ повести къ потерѣ всякаго уваженія со стороны народа, хотя патріархальныя туркмены вѣрятъ слѣпо и, разъ увѣровавъ во что-либо, отстаютъ отъ своихъ вѣрованій съ трудомъ. При набѣгахъ и хищничествахъ туркмены собираются около одного и двухъ предводителей, сердарей, извѣстныхъ своею опытностью и знаніемъ дорогъ. Обыкновенно сами сердари объявляютъ, что они собираются въ набѣгъ и приглашаютъ желающихъ присоединиться къ нимъ. Но бываетъ и такъ, что свободные отъ занятій люди задумываютъ идти въ набѣгъ и выбираютъ себѣ руководителемъ извѣстнаго сердаря. Во время набѣга сердаря слушаютъ и ему-же при дѣлѣхъ добычи назначаютъ личную часть, но съ окончаніемъ набѣга всякое значеніе сердарей пропадаетъ, если только они не принадлежатъ къ числу избранныхъ въ старшины или ханы. Такимъ образомъ, туркмены, не имѣя ни наслѣдственныхъ хановъ или правителей, ни сословій, напоминаютъ тѣ первобытныя племена, у которыхъ еще не развилось общественное устройство, близкое къ нашему. Еслибы не религія мусульманская, къ которой они, впрочемъ, весьма равнодушны, то едва-ли у нихъ и браки не были-бы временными. Вообще они напоминаютъ народы, живущіе безъ всякихъ уставовъ, писанныхъ или обычныхъ, народы, у которыхъ все временное: и бракъ, и право владѣнія землею, и выборъ предводителя.

Но сила вещей заставляетъ ихъ мало-по-малу отрѣшаться отъ такихъ порядковъ. Они уже имѣютъ прочную семью, и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ началось садоводство, появились постоянныя глиняныя постройки и поземельная собственность, хотя далѣе этого право владѣнія на земли не распространяется, такъ что полей никто не можетъ называть своими. Наконецъ, у нихъ уже появляются правители, аксакалы, ханы, кяхуды, хотя покуда маловластные; но несомнѣнно, что власть ихъ будетъ усиливаться, такъ какъ

персидское, хивинское, бухарское и авганское правительства, имѣя сношенія съ туркменами, заставили ихъ избрать для этого довѣренныхъ, представителей, которые мало-по-малу сдѣлались имѣющими значеніе и передали это значеніе своимъ сыновьямъ, такъ что образовались уже какъ-бы наслѣдственные ханы. Недостатокъ власти у такихъ представителей между туркменами мало-по-малу исчезнетъ при помощи вліяній тѣхъ-же иноземныхъ правительствъ, которыя тогда только будутъ спокойны, когда для нихъ явится увѣренность, что заключенные съ представителями туркменъ условія будутъ исполнены. Для этого они дадутъ надлежащія средства туркменскимъ ханамъ въ видѣ постоянной вооруженной силы, или средствъ на ея содержаніе, которая могла-бы служить для обузданія непокорныхъ. Переговоры объ этомъ начинались со стороны іомудовъ прикаспійскихъ: ханы ихъ требовали отъ персидскихъ властей средствъ на содержаніе при себѣ феррашей (постоянной полицейской силы), которыхъ-бы они могли употреблять на введеніе порядковъ, требуемыхъ обстоятельствами, такъ какъ иначе они не въ состояніи заставить кого-бы то ни было исполнять свои распоряженія, основанныя на условіяхъ, заключенныхъ съ персидскими властями, или на требованіяхъ послѣднихъ. Требованія о средствахъ на феррашей не были исполнены, и все осталось въ прежнемъ положеніи. Такое устройство туркменскихъ племенъ, ушедшихъ уже далеко отъ племенной общины, въ которой вся община не что иное, какъ большая семья, и не имѣющихъ кромѣ семьи и движимой собственности еще никакихъ формъ, выработанныхъ народами, составляющими большія и мелкія государства во всѣхъ странахъ свѣта, можетъ служить подтвержденіемъ справедливости теоріи о постепенномъ развитіи человѣчества, доказывающей, что всѣ наслѣдственные права, а именно: на землю, на политическую власть, на предводительство и даже уваженіе къ старости (управленіе черезъ

старѣйшинъ) появились въ послѣдствіи, когда первоначальное состояніе каковаго-нибудь народа, въ видѣ племенной общины, было уже сильно поколеблено прогрессивнымъ политическимъ развитіемъ, и что различнымъ наслѣдственнымъ правамъ предшествовали такіа-же временныя права на земли, на предводительство, на бракъ, на представительство, до появленія которыхъ народъ представлялъ племенную общину, гдѣ все было общее. Дѣйствительно, у туркменъ уже есть личная собственность, семья въ томъ видѣ, какъ она устроена у мусульманъ, и зачатки на поземельное право относительно садовъ, ими самими разведенныхъ; но у нихъ нѣтъ ни сословія, ни наслѣдственныхъ правителей; даже старики (аксакалы) не имѣютъ у нихъ какихъ-либо преимуществъ передъ остальными членами племенъ. Значеніе у туркменъ пріобрѣтается удалью въ хищничествахъ, выносливостью, знаніемъ дорогъ въ степи, находчивостью, а не возрастомъ, но и такое значеніе не влечетъ за собою никакой власти, не только съ наслѣдственными правами, но даже и личной.

Бодѣ описываетъ туркменъ такъ: „Начиная описывать характеръ туркменъ, я сознаю съ сожалѣніемъ, что не могу привести ни одного достоинства, которое могло-бы заставить забыть дурныя качества ихъ. Говорятъ, что туркмены храбры, но я убѣжденъ, что это потому, что ихъ противники—трусы; они не любятъ показываться тамъ, гдѣ есть опасность; война, которую они ведутъ, не походитъ на открытую войну,—это нападенія внезапныя и быстрыя, какъ молнія, и если встрѣчается сопротивленіе, то туркмены возвращаются скорѣе, чѣмъ появились. Они подстерегаютъ свою добычу въ закрытыхъ мѣстахъ и прыгаютъ на нее, какъ хищныя звѣри, и тѣ, которые попадаютъ подъ ихъ удары, обыкновенно бываютъ безоружными. Видя ружье, туркмены не нападаютъ и скрываются въ ту-же минуту и вообще при нападеніяхъ туркмены предпочитаютъ саблю и

копье. Главная страсть ихъ грабежъ; для нихъ нѣтъ ничего святого; гдѣ нельзя взять силою, они употребятъ тысячу хитростей, лишь-бы обладать предметомъ, возбуждавшимъ ихъ корыстолюбіе. Рѣдко можно видѣть туркмена великодушнаго; кому-же они плохо и грязно одѣты и пища ихъ весьма грязная и жирная. Кромѣ того, они тщеславны, но вся ихъ суетность заключается въ стремленіи обладать хорошею лошадью и оружіемъ, предметами, безъ которыхъ имъ обойтись невозможно. Наконецъ, ко всему этому можно прибавить, что страсть къ мщенію у туркменъ равносильна страсти къ грабежу и вызывается всегда почти корыстнымъ побужденіемъ. Тайная, а часто и явная причина войнъ ихъ всегда—грабежъ. Такая характеристика слишкомъ пристрастна. Опасности никто не станетъ себя подвергать понапрасну, а тѣмъ болѣе такія племена, которые ведутъ войну изъ-за грабежа. Между туркменами встрѣчаются личности, весьма порядочныя, но они всегда будутъ на сторонѣ своихъ, а не чужихъ, хотя интересъ, можетъ быть, и заставить ихъ служить противникамъ ихъ племени. Они постараются въ такихъ случаяхъ удовлетворить обѣ стороны, но это не есть особое какое-либо явленіе, неизвѣстное у другихъ народовъ. Туркмены трезвы и не развратны; женщины у нихъ не отличаются распущенностью нравовъ, какъ у ихъ сосѣдей: персіанъ, хивинцевъ и бухарцевъ.

Что-же касается до страсти къ грабежу, то она присуща всѣмъ первобытнымъ народамъ и у туркменъ она развилась болѣе, чѣмъ у другихъ, по мѣстнымъ условіямъ. Если не всѣ народы, ведущіе кочевой образъ жизни, то большая ихъ часть—грабители или хищники, ведущіе войны со всѣми сосѣдами. Все время, свободное отъ занятія скотоводствомъ или земледѣліемъ,—которое незначительно,—у такихъ народовъ посвящается грабежамъ. Это послѣднее занятіе для туркменъ наиболѣе привлекательно. Всѣ условія

сложились такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ грабителей по преимуществу. Кочевые или полукочующие народы, живущіе близъ лѣсовъ или въ горахъ, изобилующихъ дичью, могутъ заниматься охотою, которая заглушаетъ иногда даже страсть къ набѣгамъ; но у туркменъ охотиться негдѣ. Вся низменность между Аму-Дарьей и Аральскимъ моремъ, съ одной стороны, и Каспійскимъ моремъ, съ другой, по окраинамъ которой расположены всѣ племена туркменъ, представляетъ пустыню въ полномъ смыслѣ этого слова. Безпредѣльные пески, перегоняемые вѣтромъ то туда, то сюда, и покрытые мѣстами саксауломъ и гребенщикомъ, занимаютъ большую часть пустыни, разстилающейся на 600 в. отъ В. къ З. и на 200 и 600 верстъ въ разныхъ мѣстахъ отъ С. къ Ю. Гдѣ песковъ нѣтъ, тамъ мѣстность представляетъ совершенную равнину, какъ-бы выглаженную искусственно и твердую, какъ камень. Подкова лошади не оставляетъ на ней слѣда, и растительности на такихъ равнинахъ, состоящихъ изъ чистой глины и окруженныхъ песчаными буграми, совершенно нѣтъ. Воды также нѣтъ нигдѣ, кромѣ какъ въ колодцахъ, да и колодцевъ, напр., по линіи отъ Хивы въ Мервъ, на разстояніи 400 верстъ, нѣтъ вовсе. Иногда, послѣ зимнихъ дождей, въ глубокихъ ямахъ, обросшихъ густо саксауломъ, встрѣчается вода, сохраняющаяся довольно долго; но такихъ резервуаровъ, создаваемыхъ самою природою, на всей пустынѣ нѣсколько, на перечесть. Растительность, состоя изъ кустарниковъ саксаула и гребенщика и изъ колючихъ грубыхъ травянистыхъ растений, годна только для верблюдовъ, дикихъ ословъ и сайгаковъ. Весною, въ мартѣ и апрѣлѣ, пески, набравшіеся влажности отъ небольшихъ осеннихъ, зимнихъ и весеннихъ дождей и тумановъ, зеленѣютъ, но въ маѣ уже все голо и мелкая травка, быстро высохнувъ, обламывается вѣтрами и, перекатываясь все дальше и дальше по пескамъ, перетирается

въ пыль. Только на оконечностяхъ стараго русла Аму-Дарьи, отъ Каспійскаго моря до колодцевъ Игды и отъ хивинскаго оазиса до озеръ Сары-камышъ, есть влажность, скопившаяся въ видѣ маленькихъ озеръ въ глубокихъ впадинахъ Узбоя (стараго русла Аму-Дарьи); середина-же русла, между озерами Сары-камышъ и колодцами Игды, лишена совершенно воды. Такой характеръ пустыни лишилъ ее всякой фауны,—даже волковъ на ней нѣтъ, и туркмены пасутъ стада овецъ и верблюдовъ, пригоняемыхъ къ колодцамъ, свободно на степи весною, не опасаясь расхищенія ихъ волками. Даже ослы и сайгаки водятся только у береговъ Каспійскаго моря, да близъ тѣхъ мѣстъ стараго русла, гдѣ сохраняется постоянно влажность. Понятно, что охотнику въ туркменской пустынѣ дѣла нѣтъ, и вотъ одна изъ страстей, присущая почти всѣмъ народамъ, какъ осѣдлымъ, такъ и кочевымъ, у туркменъ не можетъ найти себѣ исхода.

Такимъ образомъ, мѣстные обстоятельства сложились такъ, что для туркменъ осталось одно поприще быть хищниками и грабителями, и надобно отдать имъ справедливость—они довели грабежъ до высшей степени развитія: громадные безводныя и бесплодныя пространства, по которымъ имъ приходится переходить безъ дорогъ, надѣясь только на собственный глазъ и соображеніе, развили у нихъ удивительную способность отыскивать надлежащее направленіе и держаться его неуклонно, несмотря ни на что. Въ пустынѣ на пескахъ слѣдовъ не остается. Малѣйшій вѣтеръ заметаетъ ихъ, и найти дорогу въ пескахъ для не-туркмена представляется невозможнымъ. Тѣ, кому приходилось разтѣзывать по степи съ туркменами, знаютъ хорошо эту ихъ способность. Бывали удивительные примѣры ихъ сообразительности къ отыскиванію колодцевъ, на которыхъ они были. Кромѣ того, жизнь о бока съ степями, гдѣ въ колодцахъ вода соленая и полное отсутствіе всякой жизни, раз-

вила въ турменахъ воздержность въ пищу и любовь къ лошадямъ. Безъ лошади въ степяхъ можно пропасть. Только лошадь даетъ возможность проходить быстро значительныя пространства, отдѣляющія колодцы одинъ отъ другого. Можно замѣнять лошадь верблюдомъ, но верблюдъ никогда не пройдетъ въ одинъ день такого разстоянія, какъ лошадь *), и, кромѣ того, сдѣлавъ усиленный переходъ, онъ на другой день такого-же перехода сдѣлать не въ состояніи, тогда какъ лошадь въ состояніи нѣсколько дней сразу проходить 70—80 верстъ, а въ случаѣ нужды и сто. Поэтому исключительное вниманіе турменъ обращено на воспитаніе лошадей и всѣ турменскія племена славятся своими лошадьми; но чуть-ли не лучшія лошади у текинцевъ. Лошади воспитываются такъ, чтобы приучить ихъ къ перенесенію лишеній во время поѣздокъ въ степяхъ и, главное, чего нѣтъ у насъ, лошади у турменъ несутъ на себѣ, кромѣ всадника, еще значительную тяжесть въ хурджинахъ (сумкахъ) за сѣдломъ: тутъ везется и ячмень или джугара для лошади, и провіантъ для всадника, а если поѣздка дальняя, — дней на восемь, — то тяжесть выйдетъ очень не маленькая. Тѣмъ не менѣе, лошади отъ этого усиленнаго вѣса во время переходовъ, повидимому, не страдаютъ. Такимъ образомъ, и турмены и ихъ лошади приспособлены къ степнымъ разѣздамъ и нисколько не боятся долгихъ переходовъ по песчанымъ пустынямъ. Часто приходится по сто слишкомъ верстъ дѣлать безъ воды, и это не вредитъ лошадямъ, по-крайней-мѣрѣ лошади съ запаломъ у турменъ встрѣчаются рѣдко. Но если нужно ѣхать очень скоро и

*) Въ Белуджистанѣ есть особая порода верблюдовъ (джанбазъ), про быстроту которыхъ разсказываютъ невѣроятныя вещи. Въ день они будто бы въ состояніи пробѣгать по 40—50 сарсаховъ (240—300 верстъ); самое ихъ названіе джанбазъ (имѣющій душу сокола) указываетъ на ихъ особенную способность къ быстрымъ и продолжительнымъ передвиженіямъ; но достоверность разсказовъ не была еще подтверждена европейцами.

далеко, то турмены выѣзжаютъ о дву-конь, то есть каждый всадникъ имѣетъ по двѣ лошади, одну подъ сѣдокомъ, а другую въ поводу, и мѣняетъ ихъ на каждомъ переѣздѣ, такъ что весь путь дѣлается безъ остановокъ. Впрочемъ, такія поѣздки о дву-конь случаются весьма рѣдко, а обыкновенно всѣ набѣги совершаются на одной лошади.

Въ Средней Азіи вообще земледѣльскія работы отнимаютъ не такъ много времени, какъ у насъ, и, кромѣ того, тамъ нѣтъ такихъ продолжительныхъ зимъ; холода наступаютъ въ декабрѣ и продолжаются мѣсяца полтора, много—два. Вслѣдствіе этого, у турменъ остается пропасть свободнаго времени, котораго имъ нечѣмъ наполнить. Такимъ образомъ, в пустынность степей, и климатическія условія привели къ тому, что турмены сдѣлались грабителями въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и грабителями смѣлыми, привыкшими встрѣчаться съ опасностью лицомъ къ лицу. Впрочемъ, это послѣднее качество могло развиться у турменъ вслѣдствіе того, что сосѣдами ихъ были такіе народы, какъ персіяне, хивинцы и бухарцы, не отличающіеся воинственностью и, при встрѣчѣ съ турменами въ равныхъ силахъ, показывавшіе тылъ. Но такъ или иначе, теперь турменамъ нельзя отказать въ смѣлости, хотя эта смѣлость вора, а не открытая, явная храбрость человека, сознающаго опасность и хладнокровно идущаго на нее.

Въ набѣгахъ своихъ турмены не разбираютъ никого и ничего, лишь-бы только была добыча. Не даромъ-же у нихъ есть поговорка, что „на лошади турменъ не знаетъ ни отца, ни матери“; жизнь человѣческая для турмена не значитъ ничего, и онъ зарѣжетъ человѣка безъ малѣйшаго раздумья. Сколько разъ они перерѣзали плѣнниковъ, потому что послѣдніе имъ мѣшали, или ихъ нельзя было взять съ собою! Человѣка рѣжутъ также мало колеблясь, какъ и барана. Впрочемъ, въ Средней Азіи вообще жизнь человѣ-

ка цѣнится ни во-что, и, просматривая исторію всѣхъ азіатскихъ переворотовъ, мы видимъ при каждомъ случаѣ цѣлый рядъ истребленій не только какихъ-нибудь селеній, но громаднѣхъ городовъ и даже населеній цѣлыхъ странъ *). Даже въ наши дни китайскія неурядицы и покореніе Кашгара китайцами представляютъ рельефныя примѣры такой жестокости. Въ Персіи не удивляетъ никого, что турмены, попавшихся въ плѣнъ во время неудачнаго набѣга, рѣжутъ, головы отрѣзаютъ и выставляютъ для потѣхи. Въ 1861 г., послѣ неудачнаго похода въ Мервъ, окончившагося разгромомъ персидской арміи, турмены стали особенно смѣлы. Собрался значительный аламанъ (скопище для набѣга) и отправился на хищничество въ деревни, сосѣднія съ гор. Мешхедомъ. Здѣсь аламанъ былъ застуканъ, многіе перебиты, а остальные захвачены въ плѣнъ. Этихъ послѣднихъ было до ста человѣкъ. Отъ шаха послѣдовало распоряженіе доставить плѣнниковъ въ Тегеранъ, и вотъ ихъ, въ цѣпяхъ на рукахъ и ногахъ, прикованныхъ по нѣсколько человѣкъ къ одному желѣзному пруту, погнали пѣшихъ въ Тегеранъ, отстоящій за тысячу верстъ отъ Мешхеда. Шахъ, желая успокоить населеніе столицы, недовольное постыднымъ поведеніемъ значительной арміи, уничтоженной въ Мервѣ, приказалъ всѣхъ плѣнныхъ казнить передъ городскими воротами; министры придумали, для большаго наслажденія публики, привязать плѣнниковъ къ городской стѣнѣ и начать ихъ разстрѣливать съ разстоянія въ 300 ша-

*) О походѣ Чингисъ-хана въ Ховарезмъ, главный городъ котораго находился тамъ, гдѣ теперь Куля-Ургенъ, въ Хивинскомъ ханствѣ, сохранился письменный рассказъ. Городъ послѣ долговременной осады былъ взятъ хитростью, и затѣмъ началось поголовное истребленіе жителей. 14 дней войска Чингисъ-хана рѣзали жителей, не разбирая ни пола, ни возраста и, наконецъ, утомленные войска сами просили о прекращеніи рѣзни. Отъ города, въ которомъ насчитывалось чуть не полуmilliонное населеніе, не осталось и десятой части, а всѣ строенія лежали въ развалинахъ.

говѣ. Понятно, что сарбазы (регулярная пѣхота), никогда не обучавшіеся стрѣльбѣ и вооруженные кремневыми ружьями, не въ состояніи были попадать въ живую мишень, поставленную такъ далеко передъ ними, и удовольствіе разстрѣливанія могло продолжаться до вечера, подвергнувъ самымъ адскимъ нравственнымъ мукамъ несчастныхъ туркменъ. Всѣ посланники, узнавъ о такомъ варварскомъ распоряженіи, немедленно сдѣлали представленіе объ отмѣнѣ такой казни. Но было уже поздно, казнь состоялась, — только сарбазовъ подвели ближе; несмотря на это, все-таки разстрѣливаніе продолжалось до вечера. Нѣкоторые пули попадали не въ плѣнниковъ, а въ веревки, которыми они были привязаны. Тогда развязавшіеся подходили и садились передъ сарбазами, въ надеждѣ скорѣе разстаться съ жизнью вблизи сарбазовъ, чѣмъ у стѣны, такъ какъ на пощаду имъ надежды не было. Въ 1875 г. правителемъ Хорасана назначенъ былъ родной братъ нынѣшняго шаха. Хорасанскія власти задумали ознаменовать его прибытіе въ городъ Мешхедъ, столицу Хорасана, жертвоприношеніемъ изъ плѣнныхъ туркменъ. Для этого приготовили 20 человекъ, а когда новый правитель прибылъ, то плѣнниковъ подняли поочередно на штыки въ его присутствіи и въ виду всѣхъ властей и множества людей, собравшихся для привѣтствованія брата шаха. Какова должна была быть нравственная мука плѣнниковъ, можно представить изъ того, что послѣдній изъ нихъ, когда дошла его очередь быть поднятымъ на штыки, попробовалъ предложить за себя выкупъ въ 2.000 тумановъ; но его предложеніе не было принято. Надежды его рушились и ему пришлось идти, чтобы быть заколотымъ. Но онъ не дошелъ: смерть застигла его раньше, и предъ новымъ правителемъ и всѣмъ собравшимся синклитомъ онъ упалъ мертвымъ.

Таковы нравы на Востокѣ, и туркмены не мягче сво-

ихъ сосѣдей; напротивъ, они жестоко, потому что у персіянъ есть хоть какая-нибудь цивилизація, приведшая ихъ къ извѣженности, а у туркменъ нѣтъ ничего. Это еще какъ-бы первобытный народъ, а потому и взгляды на все у нихъ сохранились такіе, какіе были во времена Чингисъ-хана и Тамерлана. На островѣ Ашуръ-адѣ, гдѣ помѣщается наша морская станція, жилъ постоянно въ прежнее время старшина или ханъ, выбранный изъ прибрежныхъ ауловъ туркменъ-джафарбаевъ, которые признавали и признаютъ надъ собою власть русскихъ. У хана этого, помѣщавшагося на островѣ, въ кибитѣ, были двое сыновей, одинъ десяти, а другой шести лѣтъ. Старшій изъ нихъ былъ скромный и, повидимому, кроткаго нрава и не пользовался особенною любовью отца, а младшій, по имени Сардаръ, свирѣпый, какъ дьяволенокъ, былъ его любимцемъ. Онъ находилъ великое удовольствіе въ причиненіи страданій всему живому и приходилъ въ неистовство, когда ему что-либо не удавалось. Однажды онъ захотѣлъ уничтожить курицу. Курица отъ преслѣдованія мальчика забила въ сарай, откуда мальчуганъ не могъ ее достать; бросившись на землю, онъ въ безсильномъ бѣшенствѣ принялся колотить по землѣ руками и ногами, крича: „дайте курицу, дайте курицу“. Отецъ, вышедши изъ кибиты и видя своего любимца въ такомъ изступленіи, приказалъ исполнить его желаніе. Поймали первую попавшуюся курицу и отдали мальчику, который, свернувъ ей шею, оторвалъ голову и, бросивъ разорванную птицу на землю, немедленно успокоился; отецъ, присутствовавшій при этой сценѣ, погладилъ его по головѣ, прибавляя: „ай, хорошій мальчикъ! ай, хорошій мальчикъ!“ Этотъ-же маленький шестилѣтній диваръ предлагалъ отцу украсть золоченныя рамы съ картинъ у одного изъ жителей Ашуръ-адѣ, воображая, что онъ золотыя, а отецъ радовался, видя, что въ мальчуганѣ развиваются сами собою всѣ хищни-

ческія склонности. Въ 1867 году губернаторъ астрабадскій, Мульткара, захвативъ одного изъ вліятельныхъ лицъ туркменъ-атабаевъ, какого-то Шаваль-хана, ни въ чемъ неповиннаго, разстрѣлялъ его. Зимой атабаевцы напали на деревню Сурханъ-келя, лежащую всего въ 20-ти верстахъ на сѣверъ отъ Астрабада, на самой границѣ Астрабадской провинціи, за которою начинаются уже туркменскія кочевья. Несмотря на оказанное имъ сопротивленіе, туркмены взяли деревню, разграбили ее, перерѣзавъ многихъ жителей и набравъ плѣнныхъ, въ число коихъ попалъ и сынъ Абдусъ-Семетъ-хана, владѣльца деревни. Когда туркмены вернулись къ себѣ, то жена Шаваль-хана, разстрѣляннаго астрабадскимъ губернаторомъ, явилась къ предводительствовавшему туркмену Султанъ-Мамедъ-хану-Авгану и потребовала, чтобы молодого сына владѣтеля деревни Сурханъ-келя отдали въ ея распоряженіе, такъ какъ онъ ей принадлежитъ. На вопросъ Султанъ-Мамедъ-хана о причинѣ такого требованія и на чемъ основывается она свои права на плѣнника, женщина отвѣчала: „онъ персіанинъ, моего мужа разстрѣляли персіане и я хочу отомстить за его смерть“. Султанъ-Мамедъ-ханъ отвѣтилъ: „женщина, ты права, и возьми персіанина“. Жена Шаваль-хана взяла плѣнника и, вырѣзавъ собственноручно ему живому сердцу изъ груди, бросила трупъ на сѣденіе собакамъ. Находившійся въ походѣ противъ Хивы переводчикомъ, Ибрагимовъ, въ своихъ замѣткахъ о хивинскихъ турменахъ („Военный Сборникъ“, т. LXXVIII, отд. 1), сообщаетъ, что если кто-либо изъ туркменъ увезетъ дочь сеида (такъ называются потомки пророки Магомета, разсѣянные на всемъ Востокѣ) и вступить съ нею въ связь, то похищенную отбираютъ общими силами и предають позорной казни. Такъ, напр., привязавъ ее за косы къ хвосту лошади, пускаютъ ее въ табунъ или раскаленнымъ железомъ прожигаютъ половыя части несчастной, или-же, свя-

завъ руки и ноги, бросаютъ въ рѣку, и т. п. Но лучше всего обрисовывается обоюдная жестокость турменъ и персіанъ изъ слѣдующаго разсказа Бодѣ. Начальникъ Фендересскаго округа, Астрабадской провинціи, Мирза-Наги-ханъ влюбился въ турменскую дѣвушку коджакскаго рода. Сначала отецъ и всѣ близкіе родные не соглашались на этотъ бракъ; но чего не сдѣлаютъ деньги! Получивъ богатые подарки, отецъ замолкъ и согласился на увозъ дочери, которая сама отвѣчала благосклонностью Мирза-Наги-хану. Родъ коджаковъ, узнавъ объ увозѣ одной дѣвушки изъ ихъ среды, счелъ себя жестоко оскорбленнымъ и сначала грозилъ отомстить оскорбителю, но потомъ, не имѣя средствъ къ этому, успокоился, выжидая только удобнаго случая. Прошелъ годъ; Мирза-Наги-ханъ, полагая, что гнѣвъ племени уже утихъ, позволилъ, согласно обычаю, молодой своей женѣ отправиться къ родителямъ. Она поѣхала къ нимъ въ родной своей одеждѣ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Но едва только они подъѣхали къ шатрамъ своего племени, какъ ее турмены схватили, повели на верхъ ближняго кургана и въ глазахъ родныхъ истерзали въ куски. Мирза-Наги-ханъ былъ приведенъ этимъ въ неистовство и пожелалъ отомстить турменамъ, но также принужденъ былъ выжидать, и очень долго, потому что весь родъ коджаковъ, опасаясь его мщенія, откочевалъ въ Хиву. Прошло нѣсколько лѣтъ, а откочевавшіе не возвращались. Тогда Мирза-Наги-ханъ написалъ къ нимъ письмо, съ приглашеніемъ занять прежнее мѣсто; въ письмѣ онъ признавалъ себя виноватымъ въ томъ, что не уважилъ ихъ обычаевъ и говорилъ, что теперь они могутъ возвратиться спокойно, возстановивъ свою честь казнью дѣвушки, которую онъ увезъ. Коджаки повѣрили и возвратились; но не успѣли они еще разбить хорошенько своихъ шатровъ, какъ Мирза-Наги-ханъ налетѣлъ на нихъ, разнесъ все ихъ кочевье и, захвативъ шестьдесятъ женщинъ, привезъ къ себѣ, гдѣ немедленно предалъ ихъ всѣхъ казни.

Въ народѣ, гдѣ за оскорбленіе чести мстятъ убійствомъ ни въ чемъ не повинной женщины, прибѣгая для этого къ самымъ варварскимъ способамъ, гдѣ матери семейства оказываются кровожадными мстительницами, гдѣ, наконецъ, шестилѣтніе мальчики, не только безъ содроганія, но съ наслажденіемъ отнимаютъ у животныхъ жизнь и въ такіе ранніе годы помышляютъ о кражѣ золота, въ такомъ народѣ хищничество и грабежъ не могутъ не играть первой роли, и для него, какъ-бы предметъ добычи ни былъ малъ, не останутся ни передъ чѣмъ, хотя-бы передъ убійствомъ, потому что жизнь человѣка цѣнится меньше, чѣмъ жизнь барана.

IV.

Грабежи и нападенія, производимые туркменами въ прежнее время.—Сокращеніе этихъ грабежей со времени утвержденія русскихъ на восточномъ побережьи Каспійскаго моря и на правомъ берегу Аму-Дарьи.—Умиротвореніе іомудовъ и гоклановъ.—Необходимость усмиренія текинцевъ и сарыковъ, какъ въ интересахъ Россіи, такъ и самой Персіи.

Прежде, когда отъ устьевъ р. Эмбы на югъ, по берегу Каспійскаго моря, не было русскихъ поселеній, туркмены были полными хозяевами степи, нападая на все и на всѣхъ. Караваны почти не ходили и если иногда разъ въ годъ и проникали отъ Оренбурга въ Хиву, или обратно, то съ соблюденіемъ большой предосторожности. Туркмены грабили и своихъ и чужихъ. Сарыки нападали на салпировъ, и на текинцевъ, и на бухарскія, хивинскія и персидскія земли. Текинцы дѣлали то-же самое, грабя, вдобавокъ, еще и іомудовъ и гоклановъ; гокланы и іомуды тоже не оставались

въ долгу. Однимъ словомъ, всё грабили всѣхъ, и единственнымъ правомъ признавалась сила. Больше всѣхъ доставалось отъ туркменскихъ грабежей Персін, ея сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ провинціямъ, составляющимъ громадную область, извѣстную подъ названіемъ Хорасана. Сюда обрушивались и іомуды, и гокланы, и текинцы Ахала, и текинцы Мерва, и салыры, и сарыки. Весь сѣверъ Хорасана и вся его восточная часть до границъ съ Гератомъ разорены окончательно, и теперь по этимъ мѣстностямъ встрѣчаются только развалины бывшихъ деревень. Въ одномъ только округѣ, Пясъ-и-кухъ-и-харабѣ, лежащемъ по лѣвому берегу р. Герри-руда, насчитывалось до 460-ти деревень, отъ которыхъ теперь не осталось и двадцати, и къ названію этого округа „Пясъ-и-кухъ“ прибавилось слово „харабѣ“ (разоренный), такъ что теперь эту часть Хорасана никто иначе не называетъ какъ „Пясъ-и-кухъ-и-харабѣ“, т. е. округомъ загорныхъ развалинъ. Почти то-же встрѣчается и на сѣверѣ провинцій: Келѣта, Дерегеза, Кучана и Буджнурда; поселенія держатся только тамъ, гдѣ они, пріютившись между скалъ, прикрыты недоступностью мѣстности. Во всѣхъ же другихъ мѣстахъ поселенія уничтожены, а весь сѣверный берегъ Атрека, къ В. отъ Буджнурда, лишенъ всякаго жилья, потому что тамъ хозяйничали іомуды и гокланы, а въ особенности текинцы. На хивинскихъ и бухарскихъ владѣніяхъ набѣги туркменъ не такъ отражаются, потому что ханы этихъ государствъ владѣютъ надъ кочующими по окраинамъ ихъ земель турменами, которые, въ свою очередь, защищаютъ ханства отъ набѣговъ текинцевъ. Но все-таки ежегодно текинцы приходятъ для грабежей и въ Хиву, и въ Бухару, а сарыки — въ Бухару; такъ, напр., въ 1876 г. былъ ограбленъ городъ Питнакъ въ Хивѣ, а въ 1877 г. текинцы уничтожили караванъ на уроч. Балыклы, въ 70-ти верстахъ отъ города Куна-Ургенча, и въ томъ-

же году дѣлали нападенія на селеніе Исмамудъ (въ 15-ти верстахъ отъ развалинъ Измукширъ); въ 1876-же году текинцы нападали на укр. Кабаклы, а ранѣе того за годъ уничтожили всѣ кочевья туркменъ эрсари, расположенныя въ 120-ти верстахъ отъ города Чарджуя, на колодцахъ Рапатакъ. Самое плаваніе по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, между укр. Кабаклы и городомъ Питнакомъ, на протяженіи 300 верстъ, подвержено опасности, потому что туркмены выжидаютъ когда каюки (лодки) подходятъ къ лѣвому берегу, которые и захватываютъ. Авганскимъ владѣніямъ также достается не мало, но тутъ уже арена сарыковъ. Они проникаютъ въ самую глубь Авганистана, уводя оттуда плѣнныхъ; округу-же Маймәнѣ достается больше всѣхъ; впрочемъ, набѣгъ, произведенный въ 1877 г. на этотъ городъ сарыками весьма большимъ скопищемъ, окончился неудачно. Большая половина партіи не возвратилась, будучи истреблена войсками эмира. Но за то весною 1877 г. сарыки разграбили въ Хорасанѣ, въ 150-ти верстахъ отъ города Мешхеда, округъ Турбетъ-и-шейхъ-и-джамъ, угнавъ до 30.000 овецъ и много плѣнныхъ.

Приведенные здѣсь примѣры за послѣднее время могутъ служить только жалкимъ образчикомъ того, что было прежде, когда туркмены дѣйствовали съ болѣею свободою. Теперь стало спокойнѣе, легче, въ особенности-же въ Хорасанѣ. Это облегченіе есть слѣдствіе упроченія нашего господства на берегу Каспійскаго моря, до устья Атрека, и по правому берегу р. Аму-Дарьи. Съ занятіемъ Красноводска, положеніе туркменскихъ племенъ, сосѣдственныхъ съ Персією, совершенно измѣнилось. Прежде всѣ туркмены были свободны и потому одинаково занимались грабежами, не уступая почти одни другимъ первенства; но съ занятіемъ Красноводска и Чикишляра, прикаспійскіе іомуды, сжатые съ сѣвера и запада русскими, съ востока ахаль-текинцами,

а съ юга персіянами, вынуждены были отказаться отъ прежней жизни. Довольно того, что они уже не могутъ нападать на наши предѣлы, а на текинцевъ и гоклановъ имъ нападать не приходится: на послѣднихъ потому, что они защищены персіянами, которымъ совершенно подчинились, а на первыхъ—по своему противъ нихъ бѣзсилію. Было уже говорено, что джафарбаи, въ значительной части, признаютъ себя русскими подданными, а атабаи—персидскими. Первые грабили прежде и теперь не задумываются грабить персіянъ, а къ русскимъ, послѣ занятія Красноводска, на грабежи не ходятъ; вторые-же, напротивъ, у персіянъ производятъ только мелкіе грабежи, безъ чего уже туркмены обойтись не могутъ, а на русскихъ готовы нападать и сами большими свопищами и принимать участіе въ нападеніяхъ другихъ. Кромѣ того, на Каспійскомъ морѣ грабежи туркменъ совершенно прекратились, тогда какъ прежде весь юго-восточный берегъ трепеталъ отъ туркменъ іомудовъ, забиравшихъ и суда торговые, и плѣнныхъ въ прибрежныхъ селеніяхъ Астрабадской и Мазандеранской провинцій. Однимъ словомъ, теперь іомудамъ пришлось исключительно заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ, а отъ грабежей мало-по-малу отставать. Они еще продолжаютъ отъ времени до времени опустошать сѣверныя селенія Астрабадской провинціи, вслѣдствіе безалаберности персидскихъ властей и трусости военачальниковъ персидской арміи, но и здѣсь неминуемы другіе порядки, введеніе которыхъ воспослѣдуетъ съ прочнымъ утвержденіемъ нашимъ по сѣверной сторонѣ Атреа.

Гоклани еще раньше іомудовъ вынуждены были смириться и даже сблизиться съ персіянами; занимая земли между ахаль-текинцами и іомудами, гораздо болѣе ихъ сильными, они не могли не подчиниться персіянамъ. Еслибы они враждовали и съ послѣдними, то имъ-бы предстояло

быть уничтоженными, и вотъ безысходность положенія заставила ихъ смириться и исполнять всё требованія персіанъ, въ лицѣ правителя Буджнурда, взыскивающаго съ нихъ ежегодно подать въ размѣрѣ, какъ говорятъ, 24.000 тумановъ (72.000 рублей), вмѣсто, положенныхъ по росписи о податяхъ въ Персіи, 6.000 тумановъ.

Въ прежнее-же время гокланы жестоко грабили сосѣднія съ ними Астрабадскую, Шахрудскую и Буджнурдскую провинціи. Въ особенности отличалось въ грабежахъ населеніе Карри-кала. Оно отдѣлено отъ прочихъ гокланскихъ кочевьевъ верстъ на сто и настолько-же отстоитъ отъ текинскихъ кочевьевъ. Поэтому жители Карри-кала, представленные самимъ себѣ, свели дружбу съ текинцами, которые иначе ихъ быстро-бы стерли съ лица земли. Всѣ набѣги текинцевъ происходили съ помощью карри-калинцевъ, дававшихъ проводниковъ и, наконецъ, лѣтъ 19 тому назадъ карри-калинцы, совместно съ текинцами, бросились на большое село Абръ, лежащее въ 30-ти верстахъ отъ города Шахруда. Нападеніе было сдѣлано ночью и такъ какъ на населеніе Абръ никогда не было набѣговъ, то жители не опасались ничего и не предпринимали предосторожности. Село было разграблено, многіе убиты и 40 человекъ уведено въ плѣнъ. Нападавшіе были въ числѣ 700 человекъ, изъ коихъ 400 человекъ текинцевъ и 300 человекъ гоклановъ изъ Карри-кала. Такія неистовства карри-калинскихъ гоклановъ вынудили правителя Буджнурда, Джафаръ-Кули-хана, наказать карри-калинцевъ, но онъ былъ отраженъ соединенными силами жителей Карри-кала и текинцевъ, пришедшихъ къ первымъ на помощь. На слѣдующій 1869-й годъ новый правитель Буджнурда, родной братъ прежняго, Гейдаръ-Кули-ханъ-Сагамудъ-доуле двинулся къ Карри-кала съ орудіями, кавалеріею, регулярною пѣхотою и пѣшими дружинами изъ Кучанской и Буджнурдской провинцій. Выстрѣлы

изъ орудій не произвели на осажденныхъ никакого впечатлѣнія; пришлось штурмовать крѣпость. Нѣсколько штурмовъ было отбито; сначала отступили кучанскія войска, составленные изъ курдовъ племени заферанлю, а потомъ и буджнурдскія, состоящія изъ племени шадыллю. Всѣ уже потеряли надежду на возможность взять Карри-кала. Въ это время одна буджнурдская женщина, находившаяся въ Карри-кала, какъ плѣнница, взойдя на стѣну, обратилась съ воззваніемъ къ осаждавшимъ. Она объявила ихъ презрѣнными трусами, забывающими, что въ Карри-кала томятся въ плѣну ихъ-же жены, братья и дѣти, и предала ихъ ненависти всего племени курдскаго, если они отступятъ отъ Карри-кала. Рѣчь плѣнницы была такъ сильна и настолько потрясающая, что даже начальникъ отряда Сагамудъ-доуле заплакалъ. Всѣ остальные были тронуты не меньше и рѣшились еще разъ попытать счастья. Одна изъ башенъ стояла отдѣльно впереди и сильно мѣшала штурму; на нее-то и бросилась буджнурдская кавалерія. Нападеніе было такъ неожиданно и быстро, что сидѣвшіе въ башнѣ не успѣли сдѣлать и выстрѣла, какъ башня была окружена и всѣ защитники ея перерѣзаны. Увидя успѣхъ на одной сторонѣ, кучанцы также подвинулись впередъ и потомъ бросились на штурмъ съ двухъ сторонъ, одновременно. Карри-кала была взята, но ожесточеніе осажденныхъ было до того сильно, что даже женщины не хотѣли быть взятыми въ плѣнъ и искали смерти. Многія изъ нихъ просили своихъ мужей убить ихъ, лишь-бы не достаться побѣдителямъ. Рассказывавшій все это, правитель округа Семельганъ-ага-Бекляръ говорилъ, что онъ самъ видѣлъ нѣсколько случаевъ, какъ мужа и братья убивали женъ и сестеръ, и только прибытіе новыхъ силъ со стороны осаждавшихъ прекратило подобные случаи.

Взятіе Карри-кала было послѣднимъ эпизодомъ въ борь-

бѣ гоклановъ. Послѣ этого они уже не думали о самостоятельности, такъ какъ ихъ малочисленность, при близкомъ сосѣдствѣ съ персидскими поселеніями, всегда давала возможность персіянамъ наказывать гоклановъ, еслибы они задумали отложиться, или начать капитальные грабежи. Поэтому относительно гоклановъ персіяне спокойны. Они всегда въ силахъ ихъ усмирить и заставить себѣ повиноваться; но это еще не значитъ, что гокланы сдѣлались уже совсѣмъ скромными. Нѣтъ, между ними и кругомъ нихъ не безопасно, но все-таки это не болѣе, какъ мелкое воровство и хищничество, къ которымъ персіяне относятся совершенно хладнокровно, такъ какъ такое хищничество процвѣтаетъ чуть-ли не повсемѣстно въ Персіи.

За усмиреніемъ гоклановъ и іомудовъ, поле для набѣговъ по сѣвернымъ провинціямъ Персіи и Авганистана и по всей туркменской степи на сѣверъ отъ Персіи осталось за текинцами Ахала и Мерва и за сарыками. Теперь они дѣйствительные хозяева всей степи, и тамъ не можетъ пройти ни одинъ караванъ безъ значительнаго вооруженнаго конвоя, вслѣдствіе чего караванное сообщеніе между Хивою и Красноводскомъ, а также между Хивою, Бухарою и Персіею не существуетъ. Изрѣдка, разъ въ годъ, а то и въ два, прокрадется караванъ, соблюдая всевозможныя предосторожности и строгую тайну о времени выхода съ мѣста. Поэтому-то восточный берегъ Каспійскаго моря оставался безлюднымъ и никакой торговли по всему его протяженію не производилось. Занятіе Красноводска не могло привлечь туда каравановъ изъ Хивы, потому что имъ нужно было проходить 600 верстъ подъ ежеминутною опасностью удара отъ текинцевъ. Сарыки на хивинско-красноводскій путь не выходятъ, потому что это имъ уже очень далеко и они предпочитаютъ грабить окраины Хорасана, Авганистана и Бухары. Но въ степяхъ, къ сѣверу отъ Персіи, текинцы не

могутъ находить себѣ даже посредственной добычи. Точно также около Хивинскаго ханства имъ небольшая пожива: по его окраинамъ кочуютъ сплошною массою іомуды, не уступающіе текинцамъ въ смѣлости и готовые отразить силу силою.

Такимъ образомъ, единственною ареною для дѣйствія текинцевъ остались сосѣднія съ ними сѣверныя провинціи Хорасана, гдѣ они могутъ находить добычу всегда и въ какомъ угодно количествѣ, и надобно отдать имъ справедливость: они довели населеніе этой провинціи до отчаянія, не говоря уже о томъ, что множество мѣстностей совершенно обезлюдѣло, а караваны богомольцевъ, отправляющіеся въ Мешхедъ изъ Шахруда, не могутъ, на протяженіи 150-ти в., проходить безъ конвоя изъ пѣхоты съ орудіемъ. Текинцы Ахала проникаютъ даже на южную дорогу изъ Шахруда къ Мешхеду, за 300 верстъ отъ своихъ кочевьевъ, и на этой дорогѣ, идущей черезъ округъ Біаръ-Джументъ, множество деревьевъ разрушено текинцами, а жители ихъ ушли въ другія мѣста. Текинцы Мерва, съ своей стороны, нападаютъ также, какъ и сарыки, на весь сѣверо-востокъ Хорасана и громятъ провинцію Келятъ, окрестности Мешхеда и весь округъ, лежащій южнѣе этого города. Они доходятъ иногда до провинціи Каинъ, лежащей въ 1.000 верстахъ отъ Мерва на югъ, оставляя вездѣ слѣды своего прохода въ разрушенныхъ деревняхъ и обезлюденіи посѣщенныхъ ими мѣстностей.

Само персидское правительство не въ состояніи защищать своихъ земель отъ текинцевъ и сарыковъ по границѣ, тянущейся на 1.000 верстъ, и предоставляетъ провинціямъ Кучану, Буджнурду и Дерегезу самимъ защищать себя, а въ Мешхедѣ держитъ четыре фоджа пѣхоты (4.000 человекъ, по положенію, и не болѣе 2.000 въ дѣйствительности) съ значительнымъ количествомъ никуда негодныхъ

орудій. А такъ какъ персіане, по своей трусости, неспособны вести наступательную войну противъ текинцевъ, то вслѣдствіе этого текинцы выигрываютъ, потому что, нападая на персіанъ въ ихъ земляхъ, они, при малѣйшей удачѣ, остаются въ выигрышѣ, не подвергая опасности ни своихъ семей, ни своего имущества. Иногда, впрочемъ, персіане, послѣ уже какого-нибудь отчаяннаго грабежа туркменъ, рѣшаются сами сдѣлать на нихъ набѣгъ для ихъ наказанія; но въ большинствѣ случаевъ такіе набѣги, даже съ большими силами, неудачны. Лучшимъ доказательствомъ безсилія персіанъ, трусости ихъ войскъ и полной неспособности военачальниковъ служить погромъ, понесенный персіанами въ Мервѣ въ 1861 г., когда вся армія ихъ была уничтожена текинцами и половина солдатъ попала въ плѣнъ со всѣми орудіями.

Такіе-же примѣры можно привести изъ дѣйствій персидскихъ войскъ противъ туркменъ джафарбаевъ въ Астрабадской провинціи. Въ 1867 г. астрабадскій губернаторъ, Шахъ-заде-Мулькара, собрался наказать джафарбаевъ и чуть-было не погибъ со своимъ войскомъ у старой крѣпости Акъ-кала, всего въ 20-ти верстахъ отъ Астрабада. Туркмены шли уже на штурмъ крѣпости, имѣя впереди себя Ходжу-Султанъ Мамедъ-хана-Авгана, объявившаго, что онъ неуязвимъ для пули, и бросившаго при началѣ штурма горсть песка въ сторону непріятеля, показывая этимъ символически, что они разсыпятся, какъ песокъ. Мулькара, видя, что если Авганъ останется невредимъ, то ему со всею арміею не сдобровать, приказалъ лучшему стрѣлку, ходившему на тигровую охоту, убить Авгана. Само собою разумѣется, что Авганъ былъ убитъ, и джафарбаевцы обратились вспять; но передъ этимъ они взяли у персіанъ пушку, изрубивъ на ней много жителей Астрабада, пришедшихъ на защиту своего губернатора, и эту пушку губернатору пришлось у джафар-

баевъ выкупить. Въ этомъ сраженіи былъ раненъ пашкою по головѣ сынъ губернатора. Позднѣе, въ 1876 году, другой астрабадскій губернаторъ Сабахтіаръ-ханъ былъ разбитъ на голову незначительною партіею джафарбаевцевъ, также верстахъ въ 20-ти отъ Астрабада. Онъ самъ и вся его кавалерія бѣжали стремглавъ. Многіе завязли въ болотахъ рѣчки Кара-су, не попавъ на мостъ, а Сабахтіаръ-ханъ былъ даже раненъ. Наконецъ, въ прошломъ 1878 году заступившій, по смѣнѣ Сабахтіаръ-хана, мѣсто губернатора въ Астрабадѣ, Джансузъ-мирва, стоялъ весь годъ въ укр. Акъ-кала, не показывая нигуда носу, хотя у него было до 2.000 пѣхоты съ орудіями и пропасть кавалеріи. Однимъ словомъ, примѣровъ торжества туркменъ надъ персидскими войсками въ большихъ массахъ и въ мелкихъ частяхъ множество. Поэтому нисколько не удивительно, что весь сѣверъ Персіи дѣлается все менѣе и менѣе населеннымъ, и если такъ продолжится долѣе, то всѣ сѣверныя провинціи Хорасана обратятся въ развалины, какъ это уже и сдѣлалось съ нѣкоторыми частями этой области.

Измѣнить такіе порядки, по укрощеніи текинцевъ, подобно тому, какъ укрощены іомуды въ Хивѣ и по берегу Каспійскаго м., можетъ только присоединеніе къ Россіи всего пространства отъ стараго русла Аму-Дарьи до персидской территоріи. Уже съ занятіемъ Красноводска и покореніемъ Хивы, туркмены немного стихли, въ особенности послѣ хивинскаго похода, отнявшаго у нихъ главный мотивъ къ грабежамъ—добычу плѣнныхъ. Съ покореніемъ Хивы и съ наложеніемъ на Бухару условія освобожденія рабовъ, рынки, гдѣ продавались плѣнные, закрылись. А рынки въ Хивѣ и Бухарѣ были единственными, куда могли сбываться плѣнные персіане. Невозможность продажи рабовъ уменьшила и количество грабежей текинцевъ, а въ особенности іомудовъ. Теперь они, захвативъ плѣнныхъ, держатъ ихъ у

себя, въ ожиданіи, покуда родственники не внесутъ за нихъ выкупа, и такъ какъ въ большинствѣ попадаются народъ бѣдный, то выкупъ получается самый ничтожный, или-же его и вовсе не бываетъ, хотя туркмены для полученія выкупа подвергаютъ плѣнныхъ мученіямъ, въ родѣ поливанія ногъ горячей водою или накладыванія на животъ горячихъ угольевъ; изъ цѣпей-же и колодокъ плѣнники почти не освобождаются. Такимъ образомъ, утвержденіе русскихъ на Аму-Дарѣ и въ Красноводскѣ повело къ сокращенію грабежей вообще, такъ какъ, во-первыхъ, пропалъ одинъ изъ главныхъ предметовъ грабежа—захватъ плѣнныхъ для продажи въ рабство, и, во-вторыхъ, іомудамъ хивинскимъ и прикаспійскимъ уже закрытъ доступъ къ грабежамъ. Они еще могутъ практиковаться надъ персіянами или надъ другими племенами туркменъ, но и тутъ съ каждымъ годомъ, съ расширеніемъ нашего вліянія въ степи, возможность грабежа уменьшается.

Но текинцамъ все-таки остался еще прежній просторъ. Персіяне, какъ мы видѣли, не въ состояніи не только смирить ихъ, но даже защитить собственные предѣлы отъ набѣговъ текинскихъ и сарыкскихъ. Населеніе окранныхъ находится въ самомъ несчастномъ положеніи. Предоставленное самому себѣ, оно или должно входить въ сдѣлку съ текинцами, какъ это имѣетъ мѣсто въ долинѣ Кельте-чинаръ, въ Дерезезской провинціи, или опасаться за каждую минуту своей жизни. Въ селеніяхъ, наиболѣе близкихъ къ текинцамъ, только ц надежды, что на русскихъ, которые, по глубоко вкоренившемуся въ народѣ убѣжденію, придутъ рано или поздно и усмирять текинцевъ, какъ уже усмирили Хиву, Бухару, Коканъ и іомудовъ; тогда только мирному населенію возможно будетъ жить, не опасаясь за каждый часъ. Какова теперь эта жизнь можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Всѣ деревни въ Персіи обнесены глиняною стѣною, въ видѣ правильнаго четырехугольника. Стѣна никогда не бываетъ менѣе 2-хъ сажень высоты, при толщинѣ отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ, а у основанія и значительно больше. Внутри стѣны помѣщаются дома, а внѣ ея сады и пахатныя поля. Въ стѣнѣ обыкновенно двое воротъ, а въ маленькихъ поселкахъ ворота одни. Лишь въ городахъ большихъ воротъ бываетъ по нѣскольку. На ночь ворота запираются и открываются только съ разсвѣтомъ. Безъ этой предосторожности едва-ли-бы осталось одно селеніе въ сѣверо-восточной Персіи неуничтоженнымъ туремнами, дѣлающими свои нападенія преимущественно по ночамъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ текинцы, бросившись ночью на селеніе Аннау и взявъ его, угнали всѣхъ жителей со всѣмъ имуществомъ въ плѣнъ, а сами заняли ихъ мѣста. Персіанамъ пришлось, для выручки плѣнныхъ, собирать значительныя силы. Плѣнные были возвращены и поселены въ семи—восми деревенькахъ, въ 10—20 дворовъ каждая, въ долинѣ Кельте-чинаръ, въ 15-ти верстахъ отъ прежняго ихъ жилища. Теперь деревеньки эти прикрѣпились искусственною стѣною, возведенною поперекъ выхода изъ ущелья, а не то имъ-бы не сдобровать.

Въ 1871 г. въ Персіи былъ страшный голодъ, истребившій, по собраннымъ англійскими агентами свѣдѣніямъ, одну пятую часть жителей страны. Простой народъ не находилъ никакого продукта, который-бы могъ замѣнить хлѣбъ. Тутъ нѣтъ лѣсовъ, перемолотая кора которыхъ могла-бы замѣнить муку, нѣтъ и рѣкъ и озеръ, откуда-бы могла добываться рыба. Населеніе умирало десятками, матери бросали дѣтей на улицахъ, на дорогахъ, гдѣ попало, и никто ихъ не подбиралъ, потому что ни у кого не было средствъ для собственнаго пропитанія. Воцарилась полнѣйшая апатія,—народъ сталъ безучастенъ ко всему. Для него уже не

страшны были туркмены и жизнь у нихъ въ плѣну, въ рабствѣ. Всѣ проходы, оберегавшіеся до того весьма строго, оставались свободными, и туркмены этимъ воспользовались. Они направились въ провинцію Келятъ, которая, по своей природной укрѣпленности, представляла для нихъ недоступную твердыню. Провинція была обращена въ пустыню, все населеніе разбѣжалось, а многіе были или перерѣзаны, или уведены въ плѣнъ. Селеніе Кара-Тыккянтъ, въ которомъ насчитывалось до 500 семей, перестало существовать, и хотя послѣ погрома Хивы всѣ плѣнные вернулись, но теперь въ селеніи насчитывается только около 100 семей. Послѣ голода и туркменскихъ нашествій 1871 г., Келятъ еще не оправился и нѣкоторыя селенія до-сихъ-поръ лежать въ развалинахъ.

Въ 1878 году текинцы Мерва громаднымъ скопищемъ подходили подъ самый городъ Мешхедъ, въ которомъ насчитывается до 70.000 жителей, и разорили лежащее отъ него въ 7-ми верстахъ село Турукъ, въ которомъ считается болѣе 500 семей. Объ уничтоженіи всего округа Пясъъ-и-кухъ-и-харабѣ было уже разсказано. Въ провинціи Дерегезѣ не проходитъ ни одной недѣли, чтобы туркмены не показались въ томъ или другомъ мѣстѣ и не угнали въ плѣнъ нѣсколькихъ человѣкъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года они, верстахъ въ 15-ти отъ села Мамудъ-абадъ, административнаго центра провинціи Дерегеза, напали на чарвадаровъ, отобрали у нихъ лошадей, убивъ двухъ изъ нихъ и забравъ остальныхъ въ плѣнъ. Въ томъ-же мѣсяцѣ они въ провинціи Кучанъ, въ Гійфанскомъ округѣ, появлялись нѣсколько разъ, угоняя стада овецъ и забирая въ плѣнъ пастуховъ и дровосѣковъ. Селеніе Ноуа, въ Кучанской провинціи, было ими почти уничтожено три года тому назадъ. Скопище текинцевъ, въ 1.500 человѣкъ, ночью подошло къ селенію. Оставивъ половину людей за горомъ съ лошадьми,

остальная половина спряталась и спустилась внизъ въ селеніе, которое лежитъ въ глубокой котловинѣ, обставленной неприступными отвѣсными скалами. Текинцы подошли съ доступной стороны такъ тихо, что никого не потревожили, и захватили жителей върасплохъ. Начался грабежъ и рѣзня. Кто могъ, спасся бѣгствомъ, но значительная часть погибла, а болѣе ста человѣкъ уведено въ плѣнъ. Теперь въ селѣ съ небольшимъ сто семей, а было вчетверо больше. Множество поселеній въ долинѣ р. Кушханъ было уничтожено лѣтъ 6 тому назадъ текинцами, подъ предводительствомъ Абуль-Гассанъ-хана, сына правителя Кучана. Селеніе Кизиль-Канъ также постоянно было ареною нападеній текинцевъ. Поселокъ Бала-Изманъ, состоявшій изъ 10-ти дворовъ, былъ уничтоженъ окончательно нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Текинцы, оставивъ лошадей вдали, подобрались подъ стѣны поселка и залегли подъ воротами. Утромъ ворота не ожидавшими ничего жителями были отворены, и текинцы ворвались и распорядились съ поселкомъ по-своему: все мужское населеніе они вырѣзали, а женщинъ и дѣтей увели съ собою. Поселокъ пересталъ существовать, но три года тому назадъ правитель Кучана нашелъ необходимымъ вновь поставить здѣсь поселеніе, и теперь тутъ живутъ 6 семей. Когда мы въ немъ въ прошломъ году подѣзжали, то жители заперлись въ стѣнахъ поселка и тогда только вышли, когда удостовѣрились, что подѣзжавшіе не туримены. И они тоже спрашивали, когда русскіе дадутъ имъ вздохнуть свободно, уничтоживъ текинцевъ. Селеніе Пайнъ-Изманъ, лежащее въ 5-ти верстахъ отъ поселка Бала-Изманъ, выдерживало нѣсколько нападеній текинцевъ, которые думали даже брать его штурмомъ, также ночью. Для этого они приносятъ съ собою длинныя песты съ зарубками, сдѣланными одинаково на всѣхъ пестахъ, въ мѣстахъ зарубокъ привязываются поперечины и такимъ образомъ получается лѣст-

ница, состоящая изъ трехъ или четырехъ шестовъ съ привязанными къ нимъ поперечинами, слѣдовательно, настолько широкая, что по ней сразу могутъ подыматься три-четыре человѣка. Нападеніе туряменъ не удалось, потому что жители Измаа очень осторожны и, услышавъ пороухъ и шопотъ за стѣною, догадались о готовящемся нападеніи и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Текинцы, видя себя обнаруженными, не рѣшились брать деревни открытою силою и удалились, угнавъ весь скотъ и оставивъ на мѣстѣ, какъ трофеи, свои штурмовыя лѣстницы.

Подобныхъ примѣровъ сотни, но и приведенныхъ здѣсь достаточно для доказательства, что все населеніе сѣверовосточной Персіи находится между жизнью и смертію, въ страхѣ за каждый часъ. Появленіе на горизонтѣ нѣсколькихъ всадниковъ заставляетъ всѣхъ спасаться въ стѣны селенія и принимать мѣры къ защитѣ. Подѣзжая къ селенію Ноуа, вынесшему нападеніе текинцевъ три года тому назадъ, мы были приняты за партію туряменъ. Пастухи побросали стада овецъ и мы проѣзжали мимо стада, не видя людей; они подошли къ намъ только тогда, когда рассмотрѣли на насъ европейскіе костюмы. Близъ самаго селенія, за скалами, мы встрѣтили все мужское населеніе, вышедшее на защиту своихъ домовъ и семей. Всѣ были вооружены, кто чѣмъ попало, и надобно было видѣть радость ихъ, когда они убѣдились, что мы не турямены. Когда мы вѣхали въ село, то женщины выходили на встрѣчу и вмѣстѣ со своими мужьями просили отдохнуть у нихъ и принять посильное угощеніе. Тѣ-же вопросы, когда будутъ уничтожены текинцы, задавались со всѣхъ сторонъ; изъ разговоровъ съ ними видно было, что всѣ они убѣждены, что только для русскихъ возможно усмиреніе текинцевъ.

Отъ своихъ властей жители персидскихъ провинцій не ожидаютъ облегченія участи, не говоря уже о неспособности

и трусости ихъ, еще и потому, что личный интересъ правителей всѣхъ сѣверныхъ провинцій Хорасана состоитъ въ поддержаніи настоящаго порядка вещей. Теперь все населеніе провинцій Астрабадской, Буджнурдской, Кучанской, Дерегезской и Келятской избавлено отъ службы въ регулярныхъ войскахъ и составляетъ лишь милицію, не выходящую изъ предѣловъ провинцій. Астрабадская провинція, кромѣ того, еще избавлена отъ взноса податей, и на содержаніе всего чиновничества и войскъ регулярныхъ, находящихся въ этой провинціи для ея защиты отъ туркменъ, астрабадскому губернатору высылаются суммы изъ Тегерана и изъ другихъ провинцій Персіи. Провинціи-же: Буджнурдская, Кучанская, Дерегезская и Келятская уплачиваютъ подати своимъ губернаторамъ, которые обязаны содержать извѣстное число всадниковъ. Но они этого не дѣлаютъ, и потому подати съ провинцій остаются въ карманахъ губернаторовъ, выдающихъ деньги только тѣмъ, которыхъ невозможно оставить безъ удовлетворенія. Жители, обязанные защищать свои жилища и имущество сами, сидятъ по домамъ, занимаясь полевыми и другими работами, а владѣльцы деревень не дѣлаютъ ровно ничего. Между тѣмъ жители всѣхъ остальныхъ провинцій Персіи уплачиваютъ подати и отбываютъ военную службу, причемъ ихъ не оставляютъ въ домахъ, а рассылаютъ по границамъ Персіи въ такія мѣста, какъ Келятъ, Сарахсъ, Каинъ, Керманъ и т. п. А такъ какъ льготное состояніе сѣверныхъ провинцій обусловлено исключительнымъ ихъ положеніемъ, то, конечно, губернаторамъ, начальникамъ округовъ и владѣльцамъ деревень выгодно, чтобы такое положеніе продолжалось. Поэтому, если туркмены долго не появляются въ провинціи, то пріятель ихъ приглашаетъ пожаловать, указывая мѣста, гдѣ можно ожидать наибольшей наживы. Въ Астрабадской провинціи приглашенія практикуются всего больше, потому что тамъ владѣльцы де-

ревень, находясь во главѣ милиціи, отъ деревень получаютъ жалованье, и еслибы туркмены успокоились, то тегеранское правительство сейчасъ-бы перемѣнило порядки, и всѣ эти мелкіе чиновники лишились-бы содержанія, или-же должны-бы были служить далеко отъ своихъ домовъ. Поэтому въ Астрабадской провинціи большая часть мелкихъ владѣльцевъ деревень, носящихъ титулъ серкерде, въ дружбѣ съ туркменами, которые грабятъ ихъ-же деревни. Таковъ, напр., Абдусъ-Семетъ-ханъ, владѣлецъ деревни Сурханъ-кале. Его братъ, племянникъ, дядя и родной сынъ погибли въ стычкахъ съ туркменами, или у нихъ въ плѣну, но онъ другъ и пріятель туркменъ, разрушавшихъ нѣсколько разъ его деревню Сурханъ-кале, и онъ не затруднится пригласить ихъ посѣтить Астрабадскую провинцію, еслибы сами туркмены почему-либо долго оставляли ее въ покоѣ.

Такимъ образомъ, и безурядица въ управленіи, и подлость правителей, отъ высшаго до низшаго, и трусость, при-сущая персіанамъ, ведутъ къ тому, что текинцамъ еще долго будетъ открыта полная свобода грабить Персію, если только страхъ передъ русскими не заставитъ ихъ признать надъ собою персидское владычество и гарантировать свое повиновеніе персидскимъ властямъ какими-нибудь прочными обезпеченіями. Со времени занятія Хивы, текинцы уже предчувствуютъ, что ихъ плѣснѣя оканчивается. Они уже тогда стали подумывать, какъ-бы заручиться заступничествомъ Персіи, признавъ себя какъ-бы ихъ подданными; но особенно сильно этотъ страхъ проявился у текинцевъ Мерва и Ахала съ 1876 года, когда красноводскій отрядъ двинулся къ Куня-Ургенчу. Они вполне были увѣрены, что отрядъ, на обратномъ пути, не минуетъ ихъ, и потому тогда-же отправили до 40 человекъ въ Мешхедъ, а оттуда въ Тегеранъ, для переговоровъ о принятіи отъ нихъ покорности. Отрядъ вернулся, не тронувъ текинцевъ, и они бросили всякіе пе-

переговоры. Въ 1877 г. отрядъ былъ у Кизиль-Арвата, и текинцы опять заволновались и принялись за переговоры; но возвращеніе отряда вновь прекратило переговоры. Наконецъ, въ 1878 г. одновременное движеніе красноводскаго и туркестанскихъ отрядовъ грозило окончательнымъ уничтоженіемъ текинцевъ Ахала и Мерва. Мервскіе текинцы сильно перетрусили и завели еще разъ дѣятельныя сношенія съ мешхедскими властями о присоединеніи ихъ къ Персіи. Они обязывались возвратитъ 6 пушекъ изъ числа взятыхъ въ 1861 г., выставитъ 1.000 человекъ съ жалованьемъ въ 60 руб. (20 тумановъ) каждому отъ персидскаго правительства и, въ видъ залога своей покорности, поселитъ 1.000 семей у Стараго Сарахса, на правомъ берегу р. Герри-руда. Но и этимъ переговорамъ не суждено было закончиться съ успѣхомъ для персіянъ, очень желавшихъ прибрать къ рукамъ текинцевъ Мерва. Какъ только извѣстно стало, что русскіе отряды возвращаются, текинцы отказались отъ какихъ-бы то ни было совѣщаній, и посланный въ Сарахсъ хорасанскими властями сертибъ Насрулла-ханъ-Джами, для веденія переговоровъ съ туркменами, возвратился ни съ чѣмъ, просидѣвъ въ Сарахсѣ понапрасну 5 мѣсяцевъ и издержавъ на подарки вліятельнымъ лицамъ изъ туркменъ 500 тумановъ (1.500 р.).

Для насъ неудобно допускать персіянъ къ протекторату надъ туркменами, потому что персіяне не въ состояніи ихъ обуздать и власть надъ туркменами со стороны Персіи будетъ фиктивна. А между тѣмъ, прикрываясь протекторатомъ, текинцы стануть производить еще большіе грабежи въ степяхъ къ сѣверу отъ своихъ кочевьевъ, т. е. тамъ, гдѣ живутъ наши киргизы и туркмены и гдѣ проходятъ караваны изъ Хивы въ Оренбургъ и Красноводскъ. Въ 1876 и 1877 гг. было нѣсколько случаевъ ограбленій текинцами мангышлакскихъ киргизъ и красноводскихъ туркменъ. Они угнали нѣсколько стадъ овецъ и захватили въ плѣнъ жителей, а

раньше они уничтожили цѣлое кочевье туркменъ, въ 25-ти верстахъ отъ Красноводска, на колодцахъ Бурнакъ. О караванахъ нечего и говорить. Въ 1875 г. они у колодцевъ Кумъ-Себшенъ, какъ-разъ по срединѣ пути отъ Хивы въ Красноводскъ, уничтожили караванъ, снаряженный г. Глуховскимъ, а въ 1877 г. разграбили на уроч. Балыклы, въ 70-ти верстахъ отъ Куны-Ургенча и верстахъ въ 40 отъ крайнихъ кочевьевъ юмудовъ, другой караванъ, шедшій съ Атрека въ Хиву. Нѣкоторые караваны, вслѣдствіе такихъ грабежей, идутъ изъ Хивы на Красноводскъ кружнымъ путемъ, выгибая путь дугою къ сѣверу, а иногда приходилось для встрѣчи каравановъ высылать прикрытіе отъ красноводскаго отряда и изъ Хивы до колодцевъ Кумъ-Себшенъ. Въ томъ-же 1877 году были перехвачены наши нарочные, везшіе почту изъ Петро-Александровска въ Красноводскъ. Если текинцы помирятся съ персіянами и дадутъ имъ заложниковъ, то тогда они по-неволѣ будутъ принуждены оставить персидскую территорію въ покоѣ,—иначе персіяне не затруднятся покончить съ ихъ заложниками. Слѣдовательно, единственною ареною для грабительскихъ походовъ текинцевъ тогда останется степь по обѣ стороны стараго русла р. Аму-Дарьи, и если теперь уже по этой степи рѣдко кому удастся проскользнуть счастливо, то тогда, когда съ персіянами у текинцевъ начнутся дружественныя отношенія, ни одинъ человѣкъ, ни пѣшій, ни конный, на пространствѣ между Красноводскомъ и Хивой, не избѣжитъ печальной участи встрѣтиться съ текинцами. Тогда кочевья нашихъ киргизъ на Мангышлакъ будутъ жестоко страдать отъ постоянныхъ набѣговъ текинцевъ, и намъ ежегодно придется наряжать экспедиціи для наказанія хищниковъ, т. е. быть съ ними въ постоянной войнѣ. Невыгодность такого къ нимъ отношенія очевидна. Нужно вспомнить только Кавказъ: 60 лѣтъ войны съ горцами привели, наконецъ, къ окончательному покоренію

нію ихъ, послѣ громаднѣйшихъ потерь и деньгами, и жизнью людей. А вѣдь и горцевъ Кавказа можно было покорить раньше.

Баронъ Торнау, въ предисловіи къ сочиненію бар. Боде, такъ часто уже цитированному, между прочимъ, говоритъ: „Путешествіе барона Боде по туркменской землѣ представляетъ частный исключительный интересъ для русской публики. Прибрежье Каспійскаго моря важно для насъ не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ. Каспійское море составляетъ исключительную принадлежность Россіи и Персіи; владѣнія наши отстоятъ въ двухдневномъ и четырехдневномъ разстояніи отъ описываемыхъ барономъ Боде странъ, а въ мѣстахъ этихъ открытъ для торговой дѣятельности путь, на которомъ доселѣ мы не встрѣчаемъ иностраннаго соперничанія; побережье Каспійскаго моря и за нимъ на востокъ страны центральной Азіи, богатые дарами природы, но нуждающіяся въ произведеніяхъ мануфактурной промышленности, представляютъ торговые рынки, на которыхъ торговая дѣятельность можетъ развиваться до огромныхъ размѣровъ“.

Слова эти писаны двадцать три года тому назадъ. Тогда мы были въ двухъ-и четырехдневномъ разстояніяхъ отъ посѣщенныхъ барономъ Боде странъ. Теперь-же эти страны заняты нами и мы подвинулись на востокъ даже далѣе. Двадцать три года тому назадъ мы стояли на Сырь-Дарьѣ, а теперь подвинулись къ Аму-Дарьѣ. Въ то время для насъ открывалась только возможность устроить торговые рынки въ Средней Азіи, а теперь мы тамъ хозяева, и не будь грабежей текинцевъ, мы были-бы полными хозяевами этихъ степей. Теперь караваны должны избирать кружные пути, а еслибы текинцы были усмирены, то вся торговля избрала-бы тотъ путь, который оказался-бы наилучшимъ по краткости и дешевизнѣ. Прорывъ Аму-Дарьи, по-

колебавъ мнѣнія о геологическомъ поднятіи съ Ю.-З. на С.-В., заставившемъ будто-бы эту рѣку повернуть въ Аральское море, указалъ на возможность обводненія туркменскихъ степей и, можетъ быть, устройства судоходства изъ Каспійскаго моря, причемъ товары изъ средины Россіи могли-бы быть доставляемы непрерывнымъ воднымъ путемъ до верховьевъ Аму-Дарьи, т. е. на четыре тысячи верстъ. Но всѣ усилія къ устройству степей и ихъ умиротворенію будутъ напрасны, если не прекратятся грабежи текинцевъ, а этого можно достигнуть ихъ полнымъ покореніемъ. Безъ этого обводненіе степей изъ Аму-Дарьи послужитъ только въ пользу текинцевъ. Они теперь посѣщаютъ ихъ только наѣздами, потому что не находятъ нигдѣ воды, но тогда текинцы на многихъ мѣстахъ устроятъ постоянныя кочевья, и уже тогда, дѣйствительно, въ степяхъ не будетъ хода ни пѣшему, ни конному.

Могутъ сказать, зачѣмъ намъ хлопотать о степяхъ, умирять текинцевъ и обводнять степи безлюдныя и безплодныя, покрытыя пескомъ. Но степи безплодны потому, что нѣтъ воды, а съ водою характеръ ихъ измѣнится. Недостатокъ населенія теперь не можетъ быть причиною признанія ихъ негодности и въ будущемъ. Народонаселеніе Россіи увеличивается весьма быстро, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропорціонально уменьшаются тѣ свободныя земли, которыя служили для скотоводства и табуновъ лошадей. Не такъ далеко уже то время, когда для этой отрасли хозяйства въ Европейской Россіи не останется мѣста; на Кавказѣ уже такихъ свободныхъ пространствъ осталось очень мало, а между тѣмъ десять лѣтъ тому назадъ на Сѣверномъ Кавказѣ могли пастись и паслись многочисленныя стада овецъ и табуны лошадей. Овцеводство еще не уменьшилось, но отъ большинства табуновъ лошадей остались одни воспоминанія. Только на сѣверѣ Ставропольской губерніи, да въ сѣверо-

восточной части Донской и въ сѣверо-западной части Кубанской областей остались значительныя пространства, на которыхъ по-прежнему ходятъ и табуны лошадей, и стада овецъ. Но увеличеніе народонаселенія, самое большое черезъ 25 лѣтъ, вытѣснить ихъ и оттуда. Тогда для насъ, еслибы мы не имѣли среднеазиатскихъ степей, наступило-бы горькое время полученія всего скота и шерсти изъ Австраліи и Америки *). Поэтому средне-азиатскія степи имѣютъ весьма серьезное для насъ значеніе, какъ арена скотоводческаго хозяйства, въ самомъ широкомъ смыслѣ. Обводненіе степей колодцами и проведеніемъ по нимъ воды изъ рѣкъ Сыра и Аму есть дѣло техники, а невозможнаго для нея, въ нынѣшнемъ даже ея развитіи, почти нѣтъ. Но если на средне-азиатскихъ степяхъ не будетъ спокойствія, то никакія предположенія къ эксплуатаціи ихъ невозможны. Невозможно не только торговое движеніе черезъ нихъ, но немыслимы даже изслѣдованія этихъ степей, потому что всякій изслѣдователь рискуетъ быть убитымъ или увлеченнымъ въ плѣнъ текинцами.

Неотразимое стеченіе обстоятельствъ и условій нашей жизни вынуждаетъ насъ двигаться на востокъ. Начало этого движенія относится ко временамъ Іоанна Грознаго. Покореніемъ Казани былъ положенъ первый ему шагъ, и вотъ съ-тѣхъ-поръ, въ теченіе трехсотъ лѣтъ, мы постоянно движемся все далѣе и далѣе на востокъ. Большая часть средне-азиатскихъ степей осталась сзади нашихъ передовыхъ

*) У насъ уже началось выписываніе сырыхъ кожъ изъ Южно-Американскихъ республикъ для самыхъ большихъ кожевенныхъ заводовъ, какъ, напр., П. Г. Курикова въ Петербургъ, вслѣдствіе того, что кожи съ нашего скота и меньше, и не такъ однообразны толщиною, какъ у скота южно-американскаго, а это, конечно, есть слѣдствіе худшихъ условій, въ которыхъ поставленъ теперь нашъ скотъ, не знающій почти отдыха отъ сельскихъ работъ и не имѣющій той свободы на пастбищахъ, какою пользуется скотъ въ необозримыхъ льяносахъ Южной Америки.

постовъ и теперь мы доходимъ до крайнихъ предѣловъ этого движенія. Съ умиротвореніемъ степей въ Средней Азіи дѣйствительно прекратятся, наконецъ, военныя дѣйствія, ведущія къ громаднымъ тратамъ средствъ и людей. Тогда настанетъ періодъ дѣйствительнаго мира для Россіи и наступитъ возможность заняться устройствомъ громадной территоріи, лежащей между верховьями рѣкъ Аму и Сыра, съ одной стороны, и Каспійскимъ моремъ—съ другой. Тогда, наконецъ, все торговыя предпріятія могутъ развѣртываться свободнѣе и указать такіе пути и такія новыя комбинаціи, о которыхъ теперь нѣтъ возможности и предполагать, въ особенности, если, съ поворотомъ Аму-Дарьи въ прежнее ея русло къ Каспійскому морю, устроится непрерывный водный путь отъ Балтійскаго моря до подножія Гинду-куша.

Н. Петрусовичъ.

1 іюня 1879 года.